

Дальневосточное региональное литературное издание

Литературный меридиан

Март 2009 г.
№ 3 (15)

В.К. АРСЕНЬЕВ

ПАРИЖСКИЕ СТИХИ

• Дмитрий РЕКАЧЕВСКИЙ •
(с. 3)

ПРОЗА

• Юрий ЛЮБУШКИН •
(с. 9-11)

К СЛОВУ

• Николай ЧАЙКА •
(с. 12-14)

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ

• Владимир ТЫЦКИХ •
(с. 19-21)

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЁТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Париж. Эйфелева башня. Фото Ольги ТЫЦКИХ

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

• Владимир САМАРСКИЙ •
(с. 26)

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

• Вера САЧЕНКО •
(с. 31)

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

• Иван ШЕПЕТА •
(с. 33)

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

• Анна БОНДАРЕВА •
(с. 37)

Лёгкость В МЫСЛЯХ

Неумолим бег времени. Мартовские капли пришли на смену февральским метелям, зачистившим в минувшую зиму на Дальний Восток России. Но никакие природные катаклизмы или экономические кризисы не властны над радостью встречать рассвет, восторгаться стихами Бодлера или плакать над «Лунной сонатой» Бетховена.

Сегодня мне хочется обратить внимание наших авторов и читателей на некоторые изменения в работе редколлегии «Литературного меридиана». В 2009 году мы меняем сроки подготовки и сдачи в печать каждого очередного номера. Поясню: номер готовится за 2 месяца до выхода в свет, а набирается, вычитывается, корректируется и подписывается в печать ровно за 1 (один) месяц. Например, мартовский номер, который вы держите в руках, подписан в печать 17 февраля и в этот же день сдан в типографию на тиражирование. 1-го марта начинается рассылка тиража адресатам. Всё это необходимо учитывать при отправке авторских материалов в редакцию «ЛитМ». Материалы, имеющие привязку к определённым датам, пожалуйста, высылайте заблаговременно.

Далее. В очередной раз спешу призвать наших авторов к терпимости. Давайте попробуем увидеть в ближнем прежде всего человека, и только потом – научимся определять профессиональную принадлежность этого человека. Конечно, очень важно, насколько состоятельна личность в профессии. Но имею глубокое убеждение (не прав – объясните), что все великие творцы (писатели, музыканты, композиторы, философы, скульпторы и т.д.) – велики прежде всего своей любовью к человеку. Уверен – нет гения без божественной чистоты сердца. Исключения – от лукавого. Несомненно, душа каждого из нас и уникальна, и ранима, так зачем, скажите, навешивать друг на друга ярлыки и обвинять в сомнительных(?) проступках, не всегда кому-то из нас понятных? Как редактор, могу подтвердить: часто (иногда – категорически) не согласен с кем-либо из корреспондентов, но всегда стараюсь понять собеседника, учусь, слушая, слышать. Предлагаю нашим авторам в полемике не опускаться до унижений собеседника. И – пусть утихнут грозы в наших сердцах – «ничто на земле не проходит бесследно».

«ЛитМ» № 3 (15) выходит объёмом 5 печатных листов. 40 страниц. Именно к такому объёму мы шли в течение предыдущего года. Удастся ли его сохранить – вопрос. В феврале в редакцию «ЛитМ» пришло около 1000 рублей в качестве спонсорской помощи от наших авторов. Спасибо! Но это лишь несколько процентов от необходимой ежемесячной суммы. Средства от подписки и авторской помощи составляют около 65-70% от необходимого. Остальное – приходится находить едва ли не «правдой и неправдой». И делать это становится всё сложнее. В феврале существенно возросли расценки на услуги почтовой службы, что оптимизма не прибавляет – снова незапланированные расходы. Один из вариантов выхода из кризиса (практически – спасения издания, раз уж «добрый дядя» не торопится помочь) нам видится в привлечении новых подписчиков. Пожалуйста, приглашайте оформить подписку работников и служащих школ, вузов, библиотек, музеев, других учреждений. Условия подписки – на последней странице «ЛитМ». Пропагандируйте издание в местных СМИ. Нам нужен читатель!

Владимир КОСТЫЛЕВ.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

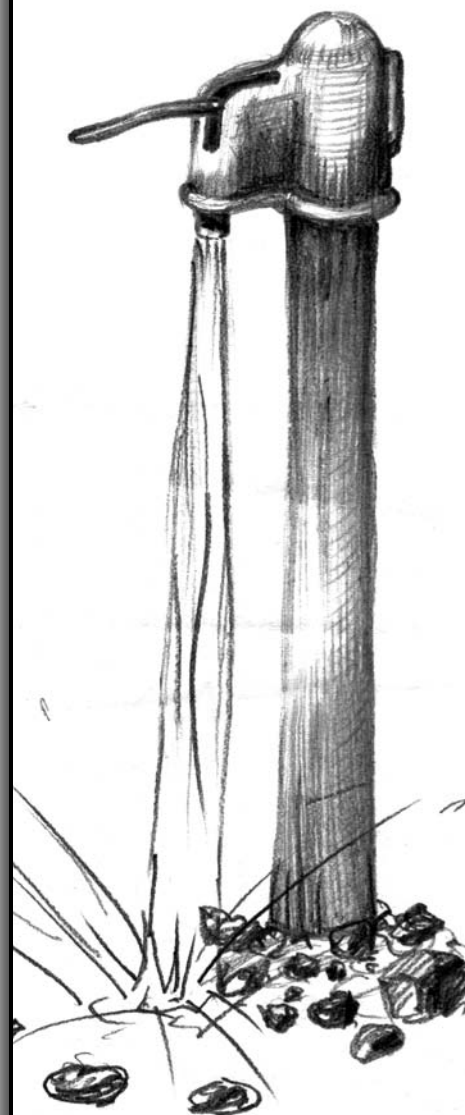

Рисунок
Натали ПАНЬКИНОЙ,
г. Арсеньев.

Парижские стихи

Дмитрий РЕКАЧЕВСКИЙ,
г. Париж, Франция.

Родился в 1972 году. В девяностые годы двадцатого века вступил в литературное объединение «Серая Лошадь» в городе Владивостоке. В 2000 году закончил режиссёрское отделение Хабаровского института искусств. За это время вышла книга стихов «Карточный домик». Несколько стихотворений было опубликовано в различных антологиях и сборниках, в том числе в альманахе «Серая Лошадь» и газете «Литературная Россия».

С 2000 года Рекачевский живёт в Париже, где занимается исследованиями в области режиссуры «театр жеста». В 2002 году получил диплом Международной Школы пантомимы Марселя Марсо. В спектаклях, поставленных за последние годы в России и за рубежом – «Дождь идёт» (Франция, Ливан), «Принцесса Брамбилла» (Франция), «Визибл Мэн» (Швейцария), «Как Одно становится Другим» (Люксембург), – он пытается объединить слово, жест и пространство, называя свой театр радикальным и антипрофессиональным. В январе 2009 года Рекачевский провёл во Владивостоке мастер-класс пантомимы. Стихи, переданные Дмитрием в редакцию «Литературного меридиана», мы сегодня публикуем.

ЛИНИИ ТВОЕЙ РУКИ*

Ты любил этот бар на улице Победы,
где неизвестное радио FM
капля по капле
инфицировало дым
грустными звуками.
Там была
юная барменша
в красных джинсах,
в зелёном свитере
с дырками на локтях.
Она
своими голубыми глазами
умела читать
линии твоей руки.
Линии твоей руки
говорили ей
что ты скромный и честный
надёжный и добрый
что ты способен дать
что ты готов принять
сердце юной белокурой ирландке
сердце юной белокурой ирландки
из маленького бара на улице Победы
Линии твоей руки
пели ей
что ты будешь жить долго
что ты будешь богат
что у тебя будет верная красивая
жена
одна на всю твою долгую богатую
жизнь
одна на всю её долгую ирландскую
жизнь

Ах зачем эти линии
зачем эти руки
зачем эти губы
шептали ей
говорили ей
обещали ей
так много
Ах зачем она умела читать
линии твоей руки
своими голубыми глазами
своими руками
своими губами
лишь она одна
Лишь она одна
умела их читать
лишь она одна
понимала
она одна
любила
она одна
верила
линиям твоей руки

Юко

Буду работать поваром-
[столяром]-плотником
в японском ресторане в Париже
у кладбища Пер-Лашез,
где в губной помаде
лежит Оскар Уайльд.
где спят коммунары,
где Эдит Пиаф,
Шопен в цветах,
и пустая урна [Мариу] Каллас,
и Мольер,
и Ларошфуко.
Будут приходить ко мне
по понедельникам
с двенадцати до двух
обедать
бюрократы из мэрии
двадцатого квартала.
Приходи ко мне обедать,
и жучок, и паучок,
и особенно приходи,
не знаю как тебя зовут,
молоденькая,
хорошенькая бюрократка,
в чёрных чулках зимой,
одна приходи,
без мамы,
без друга,
без книжки,
сиди в углу,
ешь,
думай
плачь.
Плачь!
Не подойду к тебе,
не замечу,
не спрошу, не трону, не позабочусь.
Буду любить тебя, жучок-паучок,
тайно,
страшно, внезапно, искренне,
неуверенно, нерешительно, подло.
Ничего не скажу тебе, рыбка,
Пойманная японскими людьми
в запретных водах Охотского моря,
распиленная на мелкие
суши-макисуши,
С зелёной горчицей для приправы,
с капустой. Оргато.
Не за что. Ах, так вы говорите
по-французски.
Пять евро, двадцать.
Как?
Буду смотреть тайно в твои
[тайные] страшные (жуткие)
синие глаза,

в твои руки, в твои чулки.
Совсем рядом,
в пятидесяти метрах
от Эдит Пиаф.
И [Ларошфуко]

* * *

группа детей
организованная в неровный строй
где пара по паре
расчленённые по сексуальной
принадлежности
либо - реже - повинуюсь
подсознательной симпатии
либо - еще реже - симпатии
и сексуальной принадлежности
обрамленная с двух сторон
(спереди и сзади)
воспитателями с красными
флажками
переходила улицу
шёл дождь
ярко жёлтые
одинаковые непромокаемые
дождевики
одинаково не промокали
воспитатели и дети
куда-то шли
сквозь дождь
сквозь ветер
(был ещё ветер, да)
сквозь дорожку
воспитатели куда-то гнали детей
в зоопарк?
смотреть бегемота
сквозь стекло кафе
играл джаз
остывал кофе
за соседним столиком
целовались
группа американских
старичков-туристов
группа детей
в конечном итоге
исчезла в подземном переходе
откуда через секунду
какой-то мальчик
стремительно вернулся
чтобы безо всякого предупреждения
посмотреть мне в глаза
о чём-то подумать
и снова исчезнуть
на этот раз навсегда

* Стихи печатаются
в авторской редакции.

Когда сбываются мечты

Геннадий БОГДАНОВ,
г. Хабаровск.

Зима в этом году в Хабаровске выдалась на славу. И мороз до минус 30, и метель бесчинствует по нескольку дней. Ну как тут не поверить в чудо, если слово, особенно напечатанное, буквально на глазах материализуется? В своём предыдущем обзоре «Путешествие во времени» я написал, что люблю, когда низкое оконце мастерской заметает снегом. Несколько лет подряд зимы в нашем городе были бесснежные, да и в этом году обильных снегопадов не ожидалось. Но о чём я мечтал – свершилось: за окном не утихает метель!

Недолго вернусь на страницы «ЛитМ» № 1 к моей подборке стихов «По воле Вышней». Который раз убеждаюсь в том, что надо очень внимательно читать опубликованный материал. Кроме ошибки наборщика в стихотворении «В подлунной глухо», есть ещё не менее досадная ошибка, не замеченная корректором. В стихотворении «Смирение» во втором четверостишии в третьей строке пропущен предлог «в», и поэтому получилась несуразица: «А ты про то, что сердце бродит...». Вот такое бродячее сердце! Следует читать: «А ты про то, что в сердце бродит, / На всякий случай промолчи». Но нет худа без добра. Эта досадная опечатка дала мне возможность пристальнее взглянуть на строку и доработать её. Строка зазвучала по-иному: «А ты о том, что в сердце бродит...».

Февральский номер «ЛитМ» оказался щедрым на изящную словесность, о чём мы поговорим немного позже. Не могу пройти мимо письма до востребования **Николая Чайки**. И вновь я согласен с большинством выводов автора. До определённого времени я тоже бился головой о железобетонную стену нашей могучей системы. Слава Богу, в 1997 году кто-то дал мне в руки Евангелие. По инерции я ещё продолжал набивать шишки, но Благая весть открывалась мне с каждым днём. Проникшись Словом, я осознал, что смирение есть начало пути к спасению души. Глядя на мир сквозь призму Священного Писания, я понял, что такое Божья воля и как надо следовать ей. Да, мир изначально жестокосерд и земля, по сути, место изгнания из Рая, но, несмотря ни на что, надо верить, надеяться и любить. И ещё надо научиться прощать. Есть потрясающая книга учёного-физи-

ка **Виктора Вейника** «Почему я верю в Бога». Советую её прочитать.

А вот вновь подул ветер «Лукоморья». Хотел было немедленно ответить на статью **Светланы Шкляевой**, но за меня это сделал **В. Костылев** в комментарию редактора. Уважаемая Светлана, хочу задать вам всего один вопрос: почему вы не назвали фамилии мэтров от литературы, которые отстранённо и брезгливо относятся к своим менее опытным собратьям по перу?

За **Эльвиру Кочеткову** можно порадоваться – к ней легко приходят строчки. Почти все стихи в её подборке как-то по-домашнему теплы и уютны. В стихотворении «Перешагну порог» лирическая героиня – настоящая хранительница очага, любящая мать и верная жена. Хорошее стихотворение, но я заменил бы начало строки второго катрена: «Мне скажет сын другой...» на более понятное: «Мне скажет старший сын».

Предисловие к стихам **Марины Зайцевой** очень красноречиво, особенно последние три строчки. Отмечу два лучших стихотворения из подборки: «Светлы рождественские дни» и «Сидишь под лампой, полуночник...».

В подборке стихов **Александра Егорова** много летних и осенних красок. Стихи пейзажные, но они не лишены философского смысла. Все стихотворения хороши, но особенно прекрасно «Осенняя благодать».

С удовольствием прочитал подборку стихов **Нины Макаренко** «Пока не закончится с жизнью роман...». Замечательное стихотворение «Соль Земли» понравилось больше других. В стихотворении «Вдовья песня» лишней и неудачной выглядит третья строфа. Какой-то крылатый веник, лысина полей, седины лугов, как заплаты... Эти образы не работают и звучат не поэтично. Несколько затянута стихотворение «Россия – мой талисман». Та же самая мысль выражена гораздо лучше в «Соли Земли».

В стихах **Симона Слуцкого** не только жаркое дыхание земли обетованной, по которой ступала стопа Спасителя, но и живописные наброски города на Неве. Это стихи «Питерский сонет» и «Петропавловская крепость». А как же иначе, ведь автор родом из

Петербурга, а по профессии он художник. Стихотворение «Письмо другу» показалось мне большим живописным мастерски выполненным полотном.

Олег Матвеев верен себе. Строгие, чёткие строчки его стихов посвящены военной тематике. Название подборки говорит само за себя: «Чужого горя не бывает».

Александр Баш просто ошеломил своими стихами. «Корабел» написан превосходно! Своеобразен взгляд автора на проблемы пишущей братии в стихотворении «Графоман». «Гость» – это настоящая «езда в незнаемое». В каждой строчке присутствует тайна. Таких стихов ждешь годами. Вот он, настоящий драйв, как любил говорить о хороших стихах **Иосиф Бродский**. Мне остаётся пожелать Александру новых творческих удач и публикаций на страницах «ЛитМ».

В подборке **Валерия Брускова** 15 четверостиший, и почти все они о любви. Стихи вполне достойны внимания самого взыскательного читателя. И вроде бы тема стара как мир, но автор смог по-новому, неординарно выразить свои чувства. Нашёл я и редкое умение говорить весело о грустном. Хочу пожелать Валерии Брусковой не опускать планку достигнутой высоты и продолжать совершенствовать своё мастерство.

Несомненно, **Юлия Подлубная** талантлива. Как известно, к поэтам, не лишённым Божьей искры, требования соответственно высокие. Несколько манерное лирическое стихотворение «Затерто кресло, в трещинах пиала» написано ровно, в нём есть интрига, игра. Можно сказать, стихотворение состоялось. А вот «Развести б оранжерею», скорее всего, написано для забавы или в качестве пробы пера. Между тремя строфами нет никакой логической связи. Вторая строфа противоречит первой, а третья – выглядит чужой. И потом, почему звезда каркает и бьётся в затылок? Сколько живу на свете, но ни разу не встречал звезду, похожую на ворону. Впрочем, возможно, речь идёт о звезде эстрады? Но автор в последней строфе говорит о тропках и развилках, по которым хочется попетлять. Естественно, представляешь лес и звёздное небо. «Сибирский экспресс» требует доработки. Я бы поменял в третьей строфе, во второй строчке союз «и» на местоимение «он». Так будет удобочитаемо и колоритно. Из-за нелепого сбоя ритма последняя строфа тоже нуждается в правке. Предлагаю свой вариант:

*В тамбуре запах ментола,
Дыма и угольной сажи.
Новый попутчик весёлый
Чёрное дуло покажет.*

В стихотворении о звонком скрипаче, завершающем подборку, надо что-то делать с последней строфой. Резать вены смычком, возможно, эффективно, но банально, как и сам суицид, да и никак не лучше всего. Хотелось бы хорошей ударной концовки, построенной не на дешёвых страстишках. У меня есть свой вариант этого катрена, но хочется, чтоб сам автор поработал над стихотворением.

Мы неоднократно говорили о том, что, во-первых, рукопись должна отлежаться. Во-вторых, надо быть внимательнее при отборе материала для публикации. Нельзя посылать сырые стихи в газету. Мы давно выросли из коротких штанишек «Лукоморья», и нас читают не только в России, но и за рубежом. Обкатывайте свои рукописи среди друзей, на литературных вечерах, отсылайте на рецензии критикам, работайте с более опытными собратьями по перу, а главное – больше читайте настоящей литературы.

В заключение представляю вашему вниманию стихотворение-каламбур «Повторения». Автор этой поэтической шутки – Зоя Эзрохи (Буркова). Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Международной федерации русских писателей. Живёт в Санкт-Петербурге.

Повторения

*Поэт! Не бойся тавтологий,
Окольных троп не проторяй.
Пусть негодует критик строгий,
Ты удивлённо повторяй:*

*«Какое масляное масло!
Какой на свете светлый свет!» –
И ты поймёшь, как много смысла
Там, где его, казалось, нет.*

*Пусть химик видит фтор и стронций,
Тебе же – истина видна:
Какое солнечное солнце!
Какая лунная луна!*

*Среди полян, машин и башен
Броди восторженно один
И бормочи: «Как дом домашен!
Как дождь дождлив! Как зверь зверин!*

*Как ум умён, как дело дельно,
Как страшен страх, как тьма темна!
Как жизнь жива! Как смерть смертельна!
Как юность юная юна!*

До новых творческих встреч на страницах нашей газеты!

ПАТРИАРХИ СМУТНЫХ ВРЕМЁН

Сергей КОЗЛОВ,
г. ХАНТЫ-МАНСКИЙСК.

«Литературная Россия» № 51. 19.12.2008

В день, когда от нас ушёл всероссийский, Богом данный пастырь, патриарх Алексей II, я вдруг невольно ощутил не только плач осиротевшей Церкви, но и параллели смутных времён. Самые трудные из них достались на служение трём патриархам: Гермогену, Тихону и Алексию II... Оставалось только понять, что связывало этих людей, двое из которых причислены к лику святых.

Непреклонный Гермоген

О детстве и юношестве Гермогена ничего не знают ни история светская, ни история Церкви. Называют его то казаком, то родственником Голицыных или Шуйских. Его служение началось в недавно присоединённой Иоанном Грозным Казани – игуменом Спасо-Преображенского монастыря. А в мае 1589 года Гермоген был возведён в сан епископа и был поставлен митрополитом Казанским и Астраханским. Надо ли говорить, каким тяжёлым было служение Гермогена на границе растущей империи?

Современники считали, что у Гермогена крутой нрав, нетерпимость к любым нападкам на православную веру, но, с другой стороны, даже его враги сходились в том, что он был милосердным и щедрым человеком, приходившим на помощь даже своим врагам. Бедным и ограбленным он жертвовал так, что сам был нищим. Он не был «слугой царям» и не боялся высказывать своё мнение, невзирая на имена и лица.

Историкам известно, что именно разосланные во все земли грамоты Гермогена помогли обществу мобилизоваться и остановить гражданскую войну, которая получила название «восстание Болотникова». Но следует отметить, что царствовавшему в то время Шуйскому Гермоген не был помощником, открыто его обличал, а стоял только за сбережение государства Российского и его народа от наступавшей смуты. Он взывал в это страшное время: «Недостаёт мне слов, болит душа, болит сердце, вся внутренность терзается и все органы мои содрогаются! Плача говорю и с рыданием вопию: помилуйте, помилуйте, братья и дети единокровные, свои души, и своих родителей ушедших и живых, отцов своих и матерей, жён своих, детей родных и друзей – восстаньте, и образумьтесь, и возвратитесь! Видите ведь Отечество своё чуждыми расхищаемо и разоряемо, и святые иконы и церкви обруганы, и невинных кровь проливаему, что вопиет к Богу, как кровь праведного Авеля, прося отмщения. Вспомните, на кого поднимаете оружие, не на Бога ли, сотворившего нас, не на жребий ли Пречистой Богородицы и великих чу-

дотворцев, не на своих ли единокровных братьев? Не своё ли Отечество разоряете, которому иноплеменных многие орды дивились – ныне же вами поругаемо и попираемо?!»

И вот что удивительно, дорогой читатель. Обращение это можно читать с любой кафедры – и в 1917, и в 1991, и в 1993 годах!

Гермоген до последнего момента поддерживал слабого и безвольного царя Василия Шуйского. Это был политический просчёт патриарха, но руководствовался он совсем другими, непонятными политикам велениями души и сердца. Кто-то увидит в этом ошибку, кто-то увидит верность. И только когда Москва со всех сторон уже была окружена врагами, а Шуйского не поддерживали даже самые верные бояре, Гермоген призвал всех бороться с иноземными захватчиками. «А на Московское государство выбрати нам государя всюю землёю, собраться со всеми города, кого нам государя Бог подаст», что и будет сделано, но уже после победы Минина и Пожарского. Кстати, Михаила Романова (вкупе с Василием Голицыным) Гермоген уже тогда рассматривал как претендентов на престол. Но семибоярщина на это не пошла. Верхушка (как это водится) готова была предать интересы страны и народа, лишь бы сохранить свой достаток и положение. Когда Россия осталась без царя, слово Гермогена обрело совсем другой вес. Обманом, посулами, угрозами боярская предательская клика уговаривала патриарха заставить народ присягнуть польскому королю Сигизмунду (хотя до этого речь шла о его сыне Владиславе при обязательном переходе его в Православие). И тут Гермоген встал за веру и Отечество так, как этого не смогли сделать ни сменявшие друг друга цари, ни бояре, ни дворяне служилые. Изменил патриарх предпочёл голодную смерть...

Божий избранник Тихон

«Патриарх смотрит на беспримерный вызов и допрос свысока. Он улыбается наивной дерзости молодых людей за судейским столом. Он держится с достоинством. Но мы присоединим к грубому святотатству Московского Трибунала и вдобавок к судебным вопросам бухнем ещё один, ещё более неделикатный вопрос «откуда такое достоинство у Патриарха Тихона» («Правда», 9 мая 1922 года).

Есть такое околоцерковное предание: когда Патриарх Тихон уже находился под арестом, в недавно построенном мавзолее что-то не заладилось с канализацией и её прорыв грозил попасть на саркофаг Ленина. Тихон якобы беззлобно, но точно сказал: по мощам и елей...

За что же арестовали патриарха Тихона большевики, для чего им был нужен шумный процесс над первосвятителем? Арестовали его, к примеру, за воззвания.

Наверное, за эти: «Все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26, 52). Это пророчество Спасителя обращаем мы к вам, нынешние вершители судеб нашего отечества, называющие себя «народными» комиссарами. Целый год держите в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину октябрьской революции. Но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды.

Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания?

Поистине вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Мф. 7, 9-10). Народу, изнурённому кровопролитной войной, вы обещали дать мир «без аннексий и контрибуций».

От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унижительные условия которого даже вы сами не решались опубликовать полностью? Вместо аннексий и контрибуций великая наша Родина завоёвана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на неё дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото...

...Вы разделили народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство...» (из послания патриарха Тихона Совету народных комиссаров от 13/20 октября 1918 года).

Нет, такого большевики простить не могли. Тем более что каждое слово здесь – правда! И слова апостола Матфея ещё многим из них вспомнятся в 1937 и прочих годах, когда кровавый молох сметёт и тех, кто его запустил. И все же народ выстрадал советскую власть. Снова построил империю, чтобы в 1985, а потом в 1991 году наткнуться на новое предательство, теперь уже сверху. И как актуально и применительно к сегодняшнему дню звучат слова из этого же послания: «Вы обещали свободу... Великое благо – свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы не дали: во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств, грабежей заключается дарованная вами свобода...» Ничего не напоминает? Историкам известно, что большинство «чрезвычайки» возглавляли бывшие уголовники, а какой силы жестокость там процветала... Если рассказывать, не всякое сердце выдержит. Вот, к примеру, рассказ о расстреле настоятеля Казанского собора протоиерея Орнатского. Его привели на расстрел с двумя сыновьями и спросили: «Кого сначала убить – вас или сыновей?» Священник ответил: «Сыновей». Поступил он так, чтобы успеть прочитать им «отходную». Но затем колена преклоненного старца взвод красноармейцев расстреливать отказался. Отказались даже приглашённые китайцы. Тогда к батюшке подошёл вплотную молодой комиссар и выстрелил из револьвера в упор. Скорее всего, в конце тридцатых, а может, и раньше и этого комиссара найдёт его пуля.

Напомню, что патриарх Тихон никого не благословил на братоубийственную бойню, и делать его однозначно апологетом белого движения будет просто нечестно. Вот к чему он призывал народ: «Чадца мои! Все православные русские люди! Все христиане! Когда многие страдания, обиды и огорчения стали бы навевать вам жажду мщения, стали бы проталкивать в твои, Православная Русь, руки меч для кровавой расправы с теми, кого считала бы ты своим врагом, – отбрось далеко так, чтобы ни в минуты самых тяжких для тебя испытаний и пыток, ни в минуты твоего торжества, никогда-никогда рука твоя не потянулась бы к этому мечу, не умела бы и не хотела бы нести его.

О, тогда воистину подвиг твой за Христа в нынешние лукавые дни преидет в наследие и научение грядущим поколениям как лучший завет и благословение: что только на камне сем – врачевании зла добром – создается нерушимая слава и величие нашей Святой Православной Церкви в русской земле, и неуловимо даже для врагов будет Святое имя Её и чистота подвига Её чад и служителей».

Сегодня уже известны тайные циркуляры Ленина по поводу расправ над священниками, по поводу использования страшного голода для борьбы с контрреволюцией. Только что понималось под контрреволюцией? Тихона обвинили в том, что он не отдавал церковные ценности на помощь голодающим, хотя патриарх ещё до постановления Совнаркома призвал верующих собирать помощь, приходам жертвовать всё, что не используется в богослужении. Но большевикам нужно было не золото, а повод расправиться над Церковью. Что и было сделано.

Святитель покинул этот мир 25 марта (7 апреля) 1925 года в день Благовещения Пресвятой Богородицы. Есть много версий о причинах его смерти – официальных или неофициальных. Мы не будем разбирать их здесь. Скажу только, что провожать Тихона собралась тогда вся Москва. Похороны грозили стать давкой. Архиереи обратились к людям с просьбой не сходить с места, пока не кончится захоронение. И никто с места не двинулся...

Добрый пастырь Алексей II

Помню, в конце 80-х годов прошлого века, когда на патриарший престол был избран митрополит Алексей, общество уже было явно расколото. И отношение к новому патриарху было во всех лагерях настороженное. Даже патриоты шептались: Ридигер... из Эстонии... не наш...

Но патриарх светился изнутри добром и мудростью, это было видно невооружённым взглядом уже тогда.

Не имеет смысла пересказывать всю биографию патриарха Алексея. За эти дни было показано достаточно фильмов о нём, и желавшие узнать о нём все подробности – узнали, а не желающие – они и тем более читать не будут.

Отметить следует главное. Вот несколько слов о митрополите Ленинградском и Новгородском Алексии из

**Патриарх Алексий II и епископ Вениамин.
г. Хабаровск, 2000 г.**

биографии: «Вначале он столкнулся с полным игнорированием Церкви городскими властями, ему не разрешили даже нанести визит председателю Ленгорсовета – уполномоченный Совета по делам религий жёстко заявил: «Этого в Ленинграде никогда не было и быть не может». Но уже через год этот же самый председатель при встрече с митрополитом Алексием сказал: «Двери Ленинградского совета открыты для Вас днём и ночью». Вскоре представители власти сами стали приезжать на приём к правящему архиерею – так был сломан советский стереотип. С 24 января 1990 года Владыка Алексий – член правления Советского фонда милосердия и здоровья; с 8 февраля 1990 года – член президиума Ленинградского фонда культуры. От Фонда милосердия и здоровья в 1989 году был избран народным депутатом СССР».

Он принял служение в период распада Советской империи. 10 июня 1990 года. В Богоявленском соборе Москвы в этот день прошла интронизация. Конец светской и, как это ни созвучно, советской империи сопровождался болезненными разрывами экономических и духовных связей. И патриарху немалыми усилиями удалось сохранить единство церкви. Но вот что примечательно: его ещё не успели похоронить, а гадковатая радиостанция «Эхо Москвы» уже требует от его преемника решения так называемого «украин-

ского вопроса» – предоставления Украинской церкви Автокефалии. К храму Христа Спасителя ещё тянутся многокилометровые очереди, чтобы попроситься к пастырем, а московская радиостанция уже предаёт дело, которому он отдал последние остатки пошатнувшегося здоровья. Ну что ж, наши СМИ (так называемого – только называемого – демократического толка) уже показали свою низость и подлость, и если кто-то ещё им верит, то это либо полнейшие глупцы, либо лица, связывающие свою жизнь с пребыванием на Канарах или где-нибудь в Монако.

За годы службы патриарха было прославлено множество святых, в том числе новомучеников Российских. В их числе и патриарх Тихон... В их числе императорская семья, канонизация которой была непростым, мучительным и покаянным актом. Повсеместно восстанавливались храмы и монастыри, украшая, как и на протяжении предыдущих 1000 лет, Русскую землю.

Одним из трудных моментов для патриарха стали события октября 1993 года. Он взывал тогда к противостоящим сторонам о недопустимости кровопролития, говорили даже об объявленной патриархом «анафеме» первому, кто начнёт стрелять... Но что безбожникам анафема? И не был услышан голос патриарха, так же как не был услышан голос его предшественников – Гермогена и Тихона. Кровь пролилась, и кровь вопиет к небу... И теперь никакая демократия от неё не отмоется.

Делом жизни патриарха можно назвать объединение Русской Православной Церкви и Русской Православной Церкви за границей. Ещё одно последствие гражданской войны было побеждено любовью и добром, так, как учил этому патриарх Тихон.

Нам ещё предстоит осознать путь патриарха, с которым шли мы через это смутное время. Нам ещё предстоит осознать его жертвенность, степень смирения и доброту – главные его человеческие черты, которые признают все, даже те, кто, мягко говоря, не испытывал к патриарху даже дружеских чувств.

Завершается ли очередной виток смутного времени, или финансовый кризис дал толчок смутному времени во всём мире? Важно другое: любить ближнего, да и дальнего, как учил Спаситель, можно во всякие времена.

Вспомнилось напоследок стихотворение Николая Зиновьева:

*Меня учили:
«Люди – братья,
И ты им верь всегда, везде»,
Я вскинул руки для объятия
И оказался на кресте.
Но я с тех пор об этом «чуде»
Стараюсь всё-таки забыть.
Ведь как ни злы, ни лживы люди,
Мне больше некого любить.*

Господи, спаси и сохрани Россию...

ЕЗДОВОЙ ОМЕЛЬЧЕНКО

Рассказ

Юрий ЛЮБУШКИН,
г. Николаевск-на-Амуре.

конкурс
9 Мая

Коротка жизнь солдатская на войне. Ещё короче – лошадиная. Осколок ли солдату достался, пуля ли немецкая угостила, ясное дело – перевязали и при первой возможности – в тыл, в медсанбат. А вот если лошадь занедужила, хворь какая на неё напала, что тогда? Как, скажите, ездовой себя поведёт, винась перед товарищами своими, что не приходится ему месить, как им, разбитыми сапогами километры бесконечных дорог?

И хлещет тогда иной ездовой своих лошадок нещадно, как бы оправдываясь за нечаянный комфорт свой, за портянки сухие, что для солдата на войне – великое благо. Вот и гуляет кнут того ездового налево и направо, всем раздавая в упряжке без разбора: за их нерасторопность, за слабость и бессилие от старости и плохой кормёжки. И, нахлеставшись вволю, тот лихой ездовой утрёт ладонью пот со лба, поправит на голове съехавшую ушанку, матюгнёт замысловато раз-другой своих пристяжных и закинет с облегчением кнут под передок повозки: фу-у-у! Смотришь, и на душе полегчало у него. Сожалеет ли он о случившемся? Нет. Виновата всегда лошадь, так уж повелось.

Но не таков ездовой первого орудия Омельченко. Любит он своих пристяжных, как любит всякий русский человек, истосковавшийся в чужом краю по родной избе, по быту своему размеренному и бесхитростному, по тяжёлой работе, где лошадь всегда крестьянину кормилицей была.

И норовил он при всяком удобном случае слово доброе сказать, а то и кусок хлеба от пайки своей, и без того скудной, всем поровну в упряжке разделить. И соль крупная у него всегда для них припасена была в кармане видавшей виды шинели, в аккуратно завёрнутой тряпице. А то отдаст Омельченко лошадям и последний сухарь из своего неприкосновенного запаса, что выдал солдатам перед дальним маршем скуповатый батарейный старшина.

Часто доставалось рядовому Омельченко крепкое солдатское словцо после дорожных передрыг. За то, что с людьми пожилой ездовой говорит меньше, чем со своими сивками-бурками, и что в самой что ни на есть критической ситуации, когда нет мочи вытянуть орудие, по самую ступицу колёс застрявшее в грязи, молчит он, спокойно и бесстрастно взирая с передка на происходящее, зажав под мышкой бесполезный кнут. Матерясь, батарейцы, облепленные жидкой грязью с головы до ног, вспоминают и Бога, и чёрта, но больше всех тогда, конечно же, перепадает сердобольному Омельченко.

«Вот гад! – полыхнёт у иного на сердце. – Сидит себе истукан истуканом и палит zenки, молчун проклятый!

Нет чтобы плетью лишний раз по спицам своих доходяг пройтись!..»

В памяти у многих был запечатлён произошедший на батарее случай...

Как-то дождливой осенью вот так же застряли в грязи. Новичок – солдат из прибывшего пополнения – вырвал внезапно кнут из рук на миг опешившего Омельченко и стал нещадно хлестать по костлявым лошадиным спицам орудийной упряжки. Ох как озверел тогда казавшийся флегматичным пожилой ездовой! Как ветром сдуло Омельченко с передка повозки. Рванул трёхлинейку из-за плеча, артиллеристы и ахнуть не успели, как он клацнул затвором, досылая патрон в патронник, и ткнул в лоб ошалевшего от такого оборота солдатика чёрным обрезом ствола. И ведь влепил бы – никто в этом на батарее не сомневался – девять граммов свинца прямо между глаз юнцу, враз ставшему белее полотна.

Замерло кнутовище в безвольно опущенной руке новичка. Обмер. Перекошенным ртом воздух глотает, а слова вымолвить не может. Да какое там слово! Стоит только в глаза ездового заглянуть: столько там ярости, смешанной с невыносимой болью. Смотрят неотрывно на взбесившегося ездового бездонно-голубые глаза парнишки, застыл в их немигающих зрачках вороненый зев ствола винтовки... И быть бы беде, но вырос вдруг перед ними, как из-под земли, комбат со своей неизменной обтрёпанной полевой сумкой на боку.

Срываясь мальчишеским фальцетом, закричал гневно и грозно: «Прекратить!»

Разом ожила батарея, словно команды дожидаясь. Навалились, подхватили под руки, увели от греха подальше виновника чуть было не случившейся беды, вырвав у него из рук кнут. А кто-то уже хлопал по плечу Омельченко, говоря ободрительные слова, чтобы вывести ездового из оцепенения. А тот, опустив ствол трёхлинейки, только бормотал одно и то же: «Скотину бить не позволю... Никому не позволю... Не дам...» И не говорит уже, а сипит, хватаясь за горло, словно при удушье: «Понимаеш-шь?! Б-бить не дам-м. Не дам...»

Разошлись солдаты, жадно закуривая на ходу, молчат. Каждый по-своему переживает случившееся. Но все видели, как долго не мог свернуть сигарку Омельченко, как просыпал драгоценный табак себе под ноги, как нервно слюнявил самокрутку, а затем в сердцах бросил, так и не закурив. И лишь воевавший на их батарее связист, которого все уважали за недюжинную силу и спокойную рассудительность, скинул с плеч тяжёлую катушку провода, подошёл, мяся грязь, к одиноко сидевшему под пригорком Омельченко. Сам свернул ему здоровенную «козью ножку», сыпанул в неё добрую

порцию самосада из своего кисета, пыхнул раз-другой, раскуривая, и протянул долгожданное курево прямо в зубы ездового.

Блаженно затянулся пожилой сибиряк и, шуря слезящиеся то ли от едкого дыма, то ли от внезапно нахлынувших чувств глаза, потянул из себя с горьким дымом:

– Слышь, Иваныч... Я того... Погорячился давеча...

– А-а-а... – махнул рукавом шинели первый силач батареи, как бы отменяя извинения. – Будет тебе, Омельченко. Не винись...

Курили молча. Лишь тощие замызганные лошади похрапывали возле них.

Молчали батарейцы. Слов не было. Да и к чему слова? Докурили свои самокрутки связист, притихший и подавленный от пережитого ездовой. Так же молча и неспешно затоптали окурки, поплевав на них, и разошлись.

С низины потянулся сырой туман, рваными клочьями падая на позиции первой батареи, где артиллеристы продолжали окапываться, устанавливая орудия на линию огня.

От командира дивизиона к своим пушкам возвращался утомлённый молодой комбат. Час назад, отпустив других командиров батарей, измотавшийся и злой как чёрт майор махнул рукой на снарядный ящик, приглашая присесть рядом с собой старшего лейтенанта. Хмуря светлые брови, прикурил «беломорину», выдаваемую по офицерскому пайку.

– Знаю, можешь не докладывать, – мрачно промолвил майор, уставившись на загадочные блики пламени, полыхавшего в чреве печурки.

Потрескивая, горели сухие дровишки, впрок приготовленные заботливой рукой расторопного ординарца. Докурив, продолжал смотреть в одну точку перед собой, наблюдая, как в пламени корчится брошенный окурочок папиросы.

– Ты вот что, – подняв на старшего лейтенанта глаза, проговорил майор. – Разберись там со своим ездовым...

И добавил хмуρο, вновь уставившись на затейливую пляску огня:

– Не дело это, если твои ездовые будут на солдат затворами клацать.

И замолчал. Молчал и комбат. А что тут ответишь? Прав же командир. Прав... Прав-то прав, но...

Неловкая тишина повисла в землянке немим укором. Слышны были только тяжёлые шаркающие шаги часового в траншее, отдалённый гул солдатских голосов да мерное позвякивание котелков. «Ужинают...» – произвольно подумали оба офицера. Неожиданно сорвавшаяся

Рисунок В. Маркина.

с потолка капля со звоном ударила в каску командира дивизиона, лежавшую на импровизированном столе из снарядных ящиков.

– Что молчишь, старлей? Жалко стало старика? – угрюмо спросил майор, расстёгивая тонкими пальцами в мелких заусеницах возле ногтей ворот заношенной гимнастёрки, на которой поблёскивал эмалью новенький орден Красного Знамени.

Но знал он наперёд, что никакие уговоры не помогут, что не накажет комбат ездового Омельченко и не отправит его, старого чёрта, в тыл, с глаз долой, подальше от дивизиона. И подытожил про себя: «Не дай Бог, особист, стерва, о ЧП на батарее прознает. Тогда всё, хана им обоим... Оба уйдут туда, откуда уже не возвращаются». И тоном, не терпящим пререкательств, почему-то разозлясь на себя самого, бросил командиру батарее:

– Факт разложения дисциплины в твоей батарее налицо. А ты всё молчишь? А ведь загремишь под фанфары, и два ордена не помогут.

«Не помогут...» – продолжая хранить молчание, покорно соглашался с ним командир батарее, мечтая в эту минуту лишь об одном: скорей бы добраться до подразделения и, проверив, как оружейные расчёты заняли огневые позиции, блаженно, вот так же, как комдив, устроиться со своими солдатами в тесной, жарко натопленной землянке.

– Молчишь, комбат? Ну, ну...

Видя, как старший лейтенант виновато склонил голову на одно плечо, комдив уже потеплевшим голосом промолвил.

– Ладно, возвращайся к себе на батарею, вечереет...

И когда тот, козырнув, откинул брезентовый полог, прикрывающий вход и шагнул в промозглые сумерки, бросил ему вслед напутственно-прощальное:

– Взгрей как следует своего малахольного ездового. Усек?

«Усёк-то, усёк», – думал устало комбат, выходя из жарко натопленной майорской землянки навстречу близящейся ночи, разрываемой частыми сполохами немецких ракет над нейтральной полосой.

Та-та-та-та-а-а – застучал нервно и грозно с немецкой стороны пулемет. И вслед ему – тиу-у-у-у-у – высоко над головой пропела трассерами очередь, уходя в бездну ночного неба. «Крупнокалиберный», – все так же отрешенно отметил комбат.

«А кто из них прав, кто виноват, поди ж ты, разбери», – продолжал он размышлять, устало продвигаясь по петляющей тропинке к косогору.

Пулемёт внезапно замолчал, как будто захлебнулся от собственной ярости, и, спустя несколько секунд, с прежней свирепостью начал расцвечивать густую осеннюю тьму трассерами пуль. Тиу-у-у-у – продолжали настойчиво петь немецкие пули, пролетая над головой молоденького комбата.

Первый, кого он встретил, не доходя до позиций, был злополучный ездовой, несший огромное ведро с водой, чтобы напоить свою упряжку, которую он оставил в лощине между оврагами, подальше от передовой.

– Это вы, Омельченко? – спросил комбат пожилого ездового. И хотя сумерки совсем опустились на землю, а снег повалил пуще прежнего, спутать несуразную фигуру и сутулую спину ездового с кем-либо из других солдат в его подразделении было невозможно.

– Я, товарищ старший лейтенант, – продолжая держать ведро одной рукой, а другую, с неизменным кнутом под мышкой, он пытался вытянуть, стремясь придать всей своей нелепой, согбенной фигуре подобие строевого вида.

«Виноватится старик, – глядя на него, подумал комбат, – а разве он виноват в том, что с ним проклятая война сделала?»

– Что ж это вы, Омельченко? – начал было он, но, видя, как тот понуро и виновато вытягивается в своей облепленной грязью шинели, только махнул рукой в тонкой шерстяной перчатке.

– А ля герр ком, а ля герр, – тоскливо пробормотал комбат, по-детски хмуря брови и стараясь выглядеть строже и значительно старше своих лет. И резко сделав поворот кругом, ушел в землянку.

– А чаво это он, чаво? – только и спросил онемевший от удивления Омельченко у своего земляка-сержанта, воевавшего с ним на батарее от самого Сталинграда и ставшего невольным свидетелем несостоявшегося диалога.

– А ни-ча-во, – нарочито растягивая слова, передразнил озадаченного ездового вчерашний студент, ушедший воевать с последнего курса филфака пединститута.

– Дурында ты, Омельченко, – посерьёзнев и уже назидательно продолжал командир первого орудия. – Взрослый мужик, а ведешь себя, право, как ребенок. Вот попомни мои слова: не сносить тебе головы из-за своих сивок-бурок. Как пить дать, не сносить!

– Да я что, неразумный, что ли? Мы с понятием, – смутился ездовой, зябко поводя плечами. – Ты только скажи мне, коль грамотный такой, чего это он так осерчал на меня, что по-фрицевски ругаться стал, а-аа?

– Эх-эх, Омельченко, Омельченко, тёмный ты человек, хоть и орденоседец, – ответил сержант, затягиваясь трофейной сигаретой. – Это не ругательство вовсе. Не ругал тебя комбат, а истину старинную изрек: «На войне как на войне».

– А-а-а, – только и протянул вконец озадаченный Омельченко. И добавил: – Война – она одно сплошное паскудство человеку.

Подхватив ведро, отправился к своей упряжке, стараясь идти осторожно, чтобы не расплескать драгоценную воду.

Захлюстанные грязью полы шинели мешали идти. Он по-стариковски сутулил плечи, горбом раздувавшие его замызганную, обтрепанную шинель.

Он осторожно, на ощупь ступал по узкому петляющему спуску к оврагу. И исчез в непроглядной темени, ориентируясь на негромкое всхрапывание лошадей, поджидавших в этот поздний час своего верного благодетеля.

ВЕРА – ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

(Очередное открытое письмо Н. Чайки В. Костылеву)

Дорогой Владимир Александрович,
здравствуйте!

Спасибо за предновогодний звонок. Ваше предложение войти в состав редколлегии «ЛитМ» прозвучало для меня, как... ну, в общем, как гром среди ясного неба. Тем не менее я практически сразу дал Вам своё согласие. Объясню почему.

Я понял, что отказ – в любой форме, с железной аргументацией, с изложением стандартного набора «уважительных причин» (хроническая занятость, внезапное недомогание двоюродной бабушки) – был бы не чем иным, как проявлением трусости, предательством. Предательством нашего Дела, предательством лично Вас, Владимир Александрович. Интуитивно прочувствовав сложность положения, в котором Вы оказались (вспомнив своё катастрофическое положение в начале 90-х со своей газетой «Ностальгия»), я по своей давней комсомольской привычке ввязываюсь в драку на стороне смелых и отчаянных парней, которые оказались, в силу различных жизненных (а в данном случае социально-экономических) обстоятельств – в меньшинстве. В меньшинстве по отношению к сильным мира сего, ворочающим миллиардами дензнаков и миллионами сознаний, сознательно не замечающим яркую, поистине виффеевскую звёздочку «ЛитМ».

Не знаю, удастся ли мне удержать планку, установленную самому себе на публицистическом поприще «ЛитМ», но, смею Вас заверить, все свои силы на формирование в центре России Вашего интеллектуального лобби я приложу.

Первый шаг, который мне удалось сделать, – это разрешение руководства ЦДЛ (Центрального Дома литераторов, ныне – Клуба литераторов Литфонда) на формирование и хранение в читальном зале ЦДЛ подшивки «ЛитМ» за 2008 год. Второе: я беру на себя обязательство переговорить, во-первых, с **Е.Я. Весником** – попросить его сделать обзор работы редколлегии и авторов «ЛитМ» в 2008 г. Не только на страницах нашего ежемесячника, но и на радио Москвы, с которым он долгие годы активно сотрудничает, ведя еженедельную передачу «Дарю, что помню». Это мне сделать нетрудно, т.к. с народным артистом СССР, ветераном Великой Отечественной войны, кавалером многих боевых наград, в числе которых – солдатский орден Красной Звезды и две медали «За Отвагу», – меня связывает многолетняя дружба. Кто не знает, сообщаю: это я в своё время сосватал Евгения Яковлевича на «Лукоморье» и благодарю Бога за то, что потомственная аристократическая и благоприобретённая нелёгким жизненным опытом мудрость

народного артиста подсказали ему в кризисные для «Лукоморья» годы линию поведения. Даже если по каким-то причинам он мне откажет, то публикация этого письма и этих строк подвигнет его к действию. И пусть он предаст имя Чайки анафеме – я знаю, Евгений Яковлевич, в силу бойцовской сущности своей природы, к этому предложению не останется равнодушным.

Во-вторых, мне дал Бог случай недавно, в связи с моей работой по созданию Дома-музея В.М. Лаврова «Старая Малеевка» познакомиться с **Евгением Юрьевичем Сидоровым**, председателем Союза писателей Москвы, в недавнем прошлом – министром культуры РФ, замечательным русским советским писателем, публицистом, литературным критиком, и т.д., и т.п. Хочется верить, что он тоже откликнется на моё предложение помочь «ЛитМ». Во всяком случае, публикация этого письма и этих строк послужит дополнительным информационным поводом для его соответствующего интереса и реагирования, которого все мы, дорогие друзья, коллеги, будем ждать затаив дыхание.

В-третьих, 2 января на радио «Подмосковье» прозвучала литературная передача, в которой я много говорил о Приморье, в т.ч. о «Литературном меридиане». Читал свои стихи о Дальнем Востоке, о своей любимой малой родине – Уссурийске. Вещание РТВ «Подмосковье» ведётся в диапазоне средних волн (846 кГц). Дублируется отрывками на УКВ (радио России). Адрес в Интернете: www.rtvpr.ru. Возможно, кто-нибудь из подписчиков «ЛитМ» слышал эту передачу. Я постараюсь переслать диск с записью программы Вам, Владимир Александрович, – распорядитесь по своему усмотрению; для популяризации «ЛитМ» в Приморье такая передача на Приморском радио была бы полезной.

Дальнейшие свои действия в этом направлении я планирую усилить уже в качестве члена редколлегии. Думаю, что моё «подмосковное» радиовыступление – не последнее в электронных СМИ по этому поводу. А что касается литобзоров – не обессудьте, дело это такое, в некотором смысле интимное: откликнулась, загорелась душа – пошла работа; нет – перо не стоит: сами понимаете – почтенный возраст и все связанные с этим эмоциональные проблемы.

На этом, коротко обозначив свою «предвыборную» программу по поводу «членства» в редколлегии «ЛитМ» (а точнее, по поводу моего назначения волевым порядком) – эту тему закрываем.

Откроем следующую страничку, глядя на декабрьский номер нашей любимой газеты.

Не примите за дешёвый комплимент (я пока вроде не давал повода заподозрить себя в грехе низкопокл-

лонства всей своей агрессивной, даже по отношению к редколлегии «ЛитМ», литературной манерой), но т о н в формировании художественного уровня предновогоднего выпуска задал именно он, наш юный литературный предводитель **Владимир Костылев** (Владимир Александрович, ради Бога, спрячьте свои острозаточенные редакторские ножницы – не тот случай!). Его воспоминания, воспоминания 35-летнего пацана о своём детстве, заставили меня, по возрасту его отца, если не пустить слезу, то *поверить ему, почувствовать его, ощутить себя его земляком-ровесником*. Ибо те же чувства, те же воспоминания бередают и мою душу, но т а к сказать, т а к донести до читателя свои детские переживания, *так точно нарисовать время* – сумел только он, **Владимир Костылев**. Спасибо Вам, мой юный друг и соратник, за литературное мастерство и мужество. Я верю в Вас!

Спасибо и тем авторам, которые поддержали своего главного редактора замечательной прозой – спасибо **Сергею Назаренко** из г. Арсеньева: здесь, в его рассказе «*Ручное отделение...*», равновелики и способность к глубокому экономическому анализу в цифрах, в убийственных фактах, которых мне так не хватало при написании своего эссе «*Россия, которую у меня украли*» («ЛитМ», 2008, №4), и живой литературный язык, который сулит всем нам новые открытия и впечатления при встрече с этим самобытным автором. Сергей, будете в Москве, заезжайте – будет о чём поговорить.

Спасибо **Валерию Брускову** из Екатеринбурга – начало его рассказа меня захватило свежестью, сочностью литературного языка. Продолжение огорчило – после появления инопланетян. Ради бога, ребята, – вы словно заразились этой болезнью, что называется «новое фэн-тэзи». Если Вы не Артур Кларк, не братья Стругацкие – не напрягайтесь! На днях по случаю перелистал по диагонали толстенный том в суперобложке: «*Додж по имени "Аризона"*». Валерий, у Вас есть все шансы сколотить капитал на этом поприще, но при этом забудьте об анналах в истории русской литературы. В каналах же лукьяно-перумовской макулатуры Вы лично займёте место не в последних рядах.

Жду с нетерпением продолжения записок краеведа **Анастасии Караваевой**: как всё глубоко и точно! Как трагично – но только для того, кто принимает изложенное сердцем: я представил себя на месте семёновского переселенца... бурные потоки реки сносят мой дом... я строил его собственными руками несколько лет, руки сорваны, в мозолях, дети плачут... нет, гибнут!!! – и никакого МЧС! – какой ужас!!! *И какая могучая народная, неистребимая русская сила, которую ни смять, ни смыть, ни уничтожить, ни поколебать!!! И утвердить на Востоке РОССИЮ. Снова встать на ноги, снова срубить ДОМ, снова ЗАЧАТЬ И ВЫРАСТИТЬ ДЕТЕЙ!* (...которые, увы, потом этот подвиг забудут. Разве что на страницах «ЛитМ» прочтут, но не поймут: о чём это она, **Анастасия Караваева?**)

Такова жизнь, такова «суета сует».

Спасибо **Насте Капустиной** из Усурийска. Изумительные по красоте краски она придала «ЛитМ» своими фотографиями, а главное, сопроводительными литературными комментариями. Это и Крымский цикл, и Санкт-Петербургская эпопея. Спасибо, Настя! Вы – чудо!

И творчество Ваше – чудесное. Побольше бы Вам таких отпусков. А некоторые дяди на Центральном ТВ за подобные репортажи (которые Вашим и в подмётки не годятся) гребут за подобную работу бешеные гонорары. Но ведь у нас ещё всё впереди, не правда ли, девочка?

Спасибо **Валентине Гамаюновой** из г. Артёма Приморского края – информация с параллелями о жизни и творчестве наших великих поэтов А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова в силу своей простоты и познавательности полезна, имеет право занять своё место на страницах «ЛитМ».

О публикации **Н. Всеволодовой** могу сказать только вот что. Какой-то внутренний протест, несогласие вызывает у меня заголовок её статьи: «*Единственная правда на Руси – в единственной Церкви*». Объясню почему. Для меня всё-таки понятия «Церковь» и «ВЕРА» – две разные вещи (ни в коем случае не полярные! – но – разные). Позвольте филологическую метафору: для меня ВЕРА – *Имя существительное*, это БОГ В ДУШЕ, а ЦЕРКОВЬ – это всё-таки *прилагательное*, это *способ* общения человека с Богом. Мне кажется, в этом – суть и корень разногласий всяких разных православных протестантов (в т.ч. *духоборов*, см. интереснейшую публикацию **Анны Петровой** из г. Калгари, Канада, в этом же номере) с Церковью. И я, православный христианин, их понимаю, в меру развития своей духовной толерантности. *Мне кажется, что всё-таки единственная правда на Руси (и не только на Руси) – в этом контексте – в ВЕРЕ. В Любви, к которой призывал нас Бог, в Любви, которая есть Бог. Не надо забывать о простой истине: Церквей, т.е. вероисповеданий, много, а Бог – один.*

И с правдой, тем более единственной, надо быть поосторожнее: «святая» Инквизиция триста лет утверждала свою «единственную правду» именем Христа; были в истории и крестоносцы, и иные радители «единственной правды» – неужели мало примеров, чтобы вновь и вновь не наступать на одни и те же грабли? Неужели была права русская православная Церковь, отлучив от себя христианина **Льва Толстого**? Ведь истинная сила православной Церкви, «Третьего Рима», не в её воинственности, а в её т е р п и м о с т и! И даже **Ф.М. Достоевский**, по моему мнению, был не прав, сказав в запале: «*Русский без православия – дрянь, а не человек*», дезавуировав частично это высказывание позже по другому, впрочем, поводу: «*У вас нежности нет, одна только п р а в д а* (разрядка моя. – Н.Ч.), *стало быть – несправедливо*».

Дорогая **Н. Всеволодова!** (как жаль, что я не знаю Вашего имени-отчества). Ваш оппонент – не какой-то там отмороженный богоборец, попытаюсь хоть как-то реабилитироваться перед Вами. Крещённый в год рождения – в 1950-й. Отец – коммунист, фронтовик, в мирное время при советских делах, но рискнул (крестили тайно). Крестик отпрыск не носил, был пионером, комсомольцем, коммунистом, верил в партию, в коммунизм, соответственно работал, сил не щадил. Вот довелось в зрелом уже возрасте пережить перелом. Ногу ломал в детстве – зажило, даже не хромаю. Душа надломилась – кровоточит до сих пор. И Церковь не помогает. Да, 15 тысяч храмов, которые построил Алексей II, – впечатляют. Но я, грешник, подумал о 15 тысячах детских домов,

что и поныне, в эпоху путинской «стабилизации», влачат нищенское существование... Прости, Господи, мой смертный грех сомнений и противоречий! Рассуди меня, грешного, с миллиардерами в рясах и без, теснящимися в угоду *богу Пиара* в первых рядах Храма Христа-Спасителя, по поводу и без!.. Воздай, Господи, каждому по его делам.

И к этой теме я ещё вернусь.

По результатам работы «ЛитМ» за год хочется сказать несколько тёплых слов о **Геннадии Богданове**. По сути, этот человек с могучим сократовским лбом и, надо полагать, с такой же могучей стеновой тягловой силой цементировал издание, выполнял роль каркаса, объединял всех и вся, талантов и экспериментаторов, профессионалов и любителей, коммунистов и демократов, чаек, егоровых, филатовых, манзановых и К*. И пусть мне лично не всегда нравились его акценты, пусть казались поверхностными его оценки, но я понимал: рамки и ответственность его статуса, его положения фактически в роли заместителя главного редактора регионального издания, объём работы накладывает на него груз ответственности, который сродни дипломатическому в ранге Посла республики «Литературное Приморье» в ООН: и лгать нехорошо, и обидеть нельзя (потеря электората). Если уж я, битый-перебитый, чувствовал нечто вроде недомогания после его экспресс-анализов, то каково будет какой-нибудь ранимой душе из тьму-тараканьской Сусоевки или Архиповки? И Вам спасибо, Геннадий: и за то, что удержались на скользкой тропе над пропастью, и за тёплые слова – в адрес Вашего покорного слуги в том числе.

Чего не могу сказать о другом хабаровчанине, члене редколлегии **Алексее Карлине**. Дорогой мой товарищ, я понимаю: если расценивать участие в работе редакции «ЛитМ» как хобби, то Ваша некоторая несконцентрированность на вверенном Вам участке работы объяснима. Навалял и забыл, если пишется. А пишется легко, это заметно: мастерство, как говорится, не пропьёшь. Чего только стоит Ваше домашнее сочинение на тему «*Как я провёл выходной день*» («ЛитМ», 2008, №11). По большому счёту, Алексей, – кому это интересно? Да, я поставил Вам мысленно пятёрку за синтаксис, но какое отношение это сочинение имеет к литературному процессу на Дальнем Востоке (о котором с такой болью и с таким равнодушием пишет **В.Тыцких**, в частности)? Какое отношение это имеет к авторам «ЛитМ»? Мне кажется, что Вы должны потуже впрягаться (впрячься, впрягаться. – помогите, **В.Самарский!**) в ляжку, в которой надрывает свои молодые силы **В.Костылев**. Я чувствую Ваш могучий потенциал, но я не вижу результатов.

Репортаж **Олега Копытова** об очередном ерофеевском чёсе по городам и весям России – на своём месте в своём формате. Лёгкая ирония автора при описании барственных повадок литературного генерала и врождённое чувство меры (это и есть профессионализм!) удержали Олега у опасной черты, за которой у некоторых сопричастных наблюдается многократно замеченное и описанное на Руси явление т.н. «провинциального придыхания» при лицезрении столичных литературных бонз. Памятуя о блестящем, глубоком разборе творчества нашего постоянного замечательного автора

В.Тыцких, хочется верить, что Олег удержит эту планку в процессе дальнейшей работы в «ЛитМ» – нашему изданию так не хватает глубоких аналитических материалов, профессиональных литературных рецензий.

И спасибо симпатичному майору милиции из г. Арсеньева **Оксане Закировой**, всему личному составу Приморского МВД, его продвинутым (как сегодня выражается молодёжь) руководителям, – за моральную и материальную поддержку «Литературного меридиана» и его молодого главного редактора **В.Костылева**. Спа-си-бо!!! Спаси Бог – и вас, дорогие друзья, и ваших близких, и вашу жизнь и здоровье, и вашу Любовь.

Когда-то меня зацепила фраза одной нашей читательницы о том, что, дескать, проза в ежемесячнике уступает в творческом отношении поэзии. Так вот, по моему – сугубо личному – мнению в 2008 году проза в «ЛитМ» дала сто очков вперёд поэзии. Относитесь к этому как хотите, обижайтесь или примите к сведению, но вершин в поэзии (как и во всякой горной гряде) в «ЛитМ» в 2008 году раз-два и обчёлся. Это не умаляет значения существования всей горной гряды – поэтической! – в Приморье. Дорогие мои поэты! Постарайтесь поработать над словом в новом, 2009-м году потщательнее. С учётом моих ненавязчивых, но настойчивых пожеланий.

И в заключение – спасибо нашим зарубежным авторам-соотечественникам: **Ане Петровой** из Калгари (Канада), **Коле Сундееву** из Сан-Франциско (привет Шварценеггеру!) ... из Германии ... из Приднестровья, **Сергею Пагын** из Молдавии (вот уж зарубежье так зарубежье!). Уже сам факт вашего обращения, дорогие мои, к корням, к соотечественникам, к родной земле – это здорово! Об этом я мечтал, задумывая в 90-х гг. свою газету «Ностальгия» – «о поиске и обретении утраченного», о таких встречах и контактах. Ребята, стихи, то да сё – всё у вас хорошо, на высоком уровне. А слабо – помочь «ЛитМ» конкретно? Заинтересовать местные СМИ? Подогнать к «ЛитМ» по «ленд-лизу» пару-тройку скучающих миллионеров, тамошних, я имею в виду. Глядишь, их земное бытие на этой планете скрасится очередным добрым делом. У нас, в России, их, миллионеров, тоже пруд пруди, – внезапно развелось, как блох, – но вот в силу этой самой внезапности духовная составляющая личности расейского толстосума как-то отстала от материальной, физической, усохла, зачахла в атавистическом виде. Поэтому и нет сегодня на Руси **Морозовых, Дягиловых, Третьяковых, Лавровых, Сытиных...** А жаль.

И в завершение этого письма вернусь к теме, обозначенной в заголовке, к главной теме этого письма. Восемь строк из стихотворения «Благодать», которое вошло в мою вторую книгу стихотворений – «Остров Пасхи»:

**...Бунтует дух! Душе пора смириться
(нас тьмы и тьмы! – не веровал и я),
За зрячих и незрячих помолиться –
Ведь есть на свете Высший Судия...**

**Блажен лишь тот, чьё сердце истомилось,
Душа болит, готовая принять
С повинною заслуженную милость
За жизнь земную – Божью Благодать.**

18 января 2009 г.

Социологические очерки

Сергей МОЗГОВОЙ,
г. Арсеньев, Приморский край.

Об авторе

Мозговой Сергей Григорьевич. Кандидат социологических наук, доцент.

46 лет. Родился в селе Новосысоевка, Яковлевского района. В 1984 г. закончил факультет истории, обществоведения и английского языка Уссурийского государственного педагогического института. Работал учителем в Яковлевском районе, затем преподавателем гуманитарных дисциплин в Приморском сельскохозяйственном институте. В 1990-1993 гг. обучался в аспирантуре Ленинградского Государственного университета. В 1993 г. защитил кандидатскую диссертацию по специальности «политические институты и процессы». В последующем работал в должности доцента в Приморской государственной сельскохозяйственной академии. В настоящее время является доцентом Дальневосточного государственного университета (филиал в г. Арсеньеве). Имеет ряд научных публикаций.

ЧЕБУРАШКА КАК СИМВОЛ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Немало позабавил выбор олимпийского талисмана российской команды на игры в Пекине. Им стал Чебурашка – сказочный авторский персонаж одного из предшественников «малого народа» еще той, советской страны, но уже того времени, когда идеологический истеблишмент страны развернул свою подрывную деятельность против Великой советской державы.

Писательская элита (в большей части), как необходимая часть такого истеблишмента, с рвением выполняла отведенную ей роль «интеллектуального паразита». Паразита, проникающего в сознание советского человека, откладываящего там личинки сомнения в правильности курса, выбранного в 1917 году, неверия в коммунистическое будущее, скепсиса и нигилизма. Были задействованы самые разные каналы проникновения. Пропаганда западного образа жизни при одновременном выделении и преувеличении внутренних проблем. «Омертвление» социалистической идеологии, вместе с гонениями на «диссидентов», а на деле – созданием вокруг них ореола «мучеников». Избыточная и мелочная литературная цензура, «отсекающая» от массового читателя не только заведомых халтурщиков, графоманов, но и по-настоящему талантливых, но чем-либо неудобных для власти людей. А также многое, многое другое. И, не в последнюю очередь, использование «эзопова языка» квазисказок, более для взрослых, чем для детей.

Забавная компания. Чебурашка – «неведомая зверюшка», не отличающаяся ни умом, ни сообразительностью, а лишь предельной наивностью, детской хитростью и привязчивостью. Кроме того, неуклюжий («чебурахающийся»), совсем не спортсмен, в общем. Крокодил Гена – персонаж, нашедший себя в жизни, работающий в зоопарке крокодилом. Сколь добрый, столь же недалекий. И тем привлекательный. Старуха Шапокляк – крайне злобная женщина с несложившейся личной жизнью.

Едва ли детский писатель – «внутренний эмигрант», ставший позднее преданным сторонником ельцинского режима, писал свои произведения без обычной для подобного сорта деятелей «фиги в кармане». Не случайно

ведь вскоре старуха Шапокляк была признана пародийным образом советской женщины-«совковки». Значит – Чебурашка и крокодил Гена должны были стать двойным образом совмужчины-«совка». Первый – интеллигентный инфантил, второй – «простой советский человек», приобретший жизненный опыт (впрочем, без жизненной мудрости).

Все так, но определенно просматривается иной срез сатирических реалий. Очень похоже, что Чебурашка, скорее, есть не один из образов «совка», а обобщенный образ страны. Страны – «неведомой зверушки», «веками непонятной чужеземным мудрецам». Какого-то мутанта, с которым никто не хочет дружить. Его настоящим другом оказывается зубастый хищник с доброй душой. Такого хищника совсем не надо бояться, с ним можно дружить. Кто же этот крокодил Гена? Не тот ли «империалистический хищник», злобный Запад? Его не любит старуха Шапокляк – отрицательная сущность, видимо, карикатурное олицетворение советского режима, правящей партии, с ручной крысой Лариской – животным воплощением репрессивной машины режима (КГБ, ГУЛАГ, цензура и т.п.). Вообще-то, эта старуха тоже добрая (в глубине души), с режимом можно договориться. Да и сам этот режим иногда с умилением посматривает на крокодила Гену.

Беда для внутреннего эмигранта в том, что страна СССР совсем не походила на идиотически доброго Чебурашку. Советский Союз был скорее медведем – зверем не кровожадным или злобным, безмерно агрессивным, но мощным, сообразительным, хорошо оснащенным зубами, когтями и прочим, нужным для звериной жизни. Зверем действительно непонятным, где-то непредсказуемым и тем опасным. Потому как недостаточным рациональным для «подлинно человеческого»-западного восприятия.

Вполне закономерно, что символом Московской Олимпиады, Олимпийских игр периода наивысшего могущества нашей страны стал медвежонок, «универсальный зверь». Символ мощи без агрессии, всестороннего развития, ума вместе с силой. При всем известных недостатках – пристрастие к «сладкому» – мелким радостям жизни («мед ведь»), некоторой лени. Символ, несущий

щий в себе глубокий смысл, исторически близкий для страны и ее людей.

Вместе с тем медведь для Запада есть определенно отрицательный символ России-СССР, залегающей в своей «берлоге пространства». Страны, будить которую опасно. Ибо хорошо памятна судьба «охотников на русского медведя» – Наполеона, Гитлера и прочих. Медведя нужно приручить, затем выдрессировать и заставить работать в цирке. Только он все равно остается опасным и непонятым зверем. «Дрессировка русского медведя» при Горбачеве, как известно, закончилась убийством этого медведя.

Вместо убитого медведя в его берлоге непонятно как завелся Чебурашка. Не то результат генетического эксперимента, не то порождение неблагоприятной экологии. Или потерявшийся на чужой планете инопланетянин, или выходец из параллельных миров. Существо, дезориентированное в пространстве и времени, неспособное отличить друзей от врагов, верящее любым рассказам, не умеющее и, что самое главное, не желающее себя защищать. Что и говорить – лучший друг крокодила Гены!

Потому поздравим россиян с удачным выбором современного олимпийского талисмана. Подлинного символа этой страны – современной России.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ МАЛОГО ГОРОДА

Малый город есть особый феномен отечественного социального бытия. Являя собой объект наименьшего масштаба, представляющий собственно городской образ жизни (в отличие от поселка городского типа), малый город можно описать в виде своего рода пространственно-временного единства. Такого рода единство имеет конкретное функциональное предназначение в плане процессов социальной адаптации. Среди них стоит обратить внимание на процесс адаптации сельского населения к городской среде обитания. В этом смысле, такой город характеризуют:

1. Неравномерное пространство городского образа жизни.

Типичную картину малого города образует чередование разноэтажных городских строений и одноэтажных сельских построек – домов с печным отоплением и небольшим участком земли. Городской и сельский образы жизни здесь не только непосредственно соседствуют, но и смешиваются. Часто семья, живущая в квартире типовой «хрущевки», имеет сельский дом в качестве дачи.

2. Ориентация образа жизни на главное производство.

Главным местом работы в малом городе является градообразующее предприятие. Причем на таком предприятии работает большое количество населения ближайшей сельской округи. И потому, оно выполняет функцию трудовой адаптации населения, как в рамках городского образа жизни, так и сельского.

3. Сжатое пространство-время.

Небольшое пространство малого города обеспечивает минимальные временные затраты на передвижение от места жительства к месту работы и по различным необходимым станциям. Самыми затратными по времени передвижениями становятся маршруты от города до дачных пригородов.

Все перечисленные характеристики вместе образуют некоторые взаимосвязанные признаки социального бы-

тия. Во-первых, обитатель малого города в полном объеме погружен в городской образ жизни. При том, что сельский образ жизни полностью не изжит, но находится, большую часть времени, на периферии социальной жизни. Более значительную роль он играет во время отпуска и в выходные, в весенний и осенний сезоны работы на даче. Тем не менее постепенно он все более трансформируется в особый вид досуга, сопряженного, впрочем, с интенсивной трудовой деятельностью, в своего рода «дачный образ жизни». Но при условии наличия стабильного достатка, обеспеченного городской работой.

Во-вторых, пространственное погружение в городской образ жизни существенно редуцировано временным фактором. Большинство горожан либо стали таковыми сравнительно недавно, либо они, даже родившись в малом городе, по-прежнему сохраняют в собственном менталитете значительную часть сельского архетипа. В них зримо проявляется некая неукорененность в городе, двойственная сельско-городская ментальная сущность. «Малогородские горожане», в общем, привержены городской культуре, но более поверхностно, чем глубинно. В своем внешнем облике, но не в образе мысли. Имитационно-подражательно, но не органично. Отрывочно, а не в целостном виде. У них, как правило, слабо выражена стильность в одежде, манерах, лексике.

Кроме того, временной фактор проявляется в замедленности общего ритма жизни (по сравнению с большим городом), достаточном однообразии заведенного распорядка социального существования (дом-семья, работа, дача). Следовательно, в-третьих, пространственно-временная ограниченность имеет в своей основе малый выбор вариаций образа жизни. В одних случаях малый выбор выражен в замкнутости трудового персонала на градообразующее предприятие, а учащихся – на местные учебные заведения. В других случаях имеет место ограниченность сферы культуры. Последняя обычно сводится к культуре досуга с минимальным ассортиментом услуг, ориентированных, в наибольшей степени, на молодежь (дискотека, кафе-бар/ресторан, КВН...). Многие элементы культуры большого и среднего города в малом городе отсутствуют совершенно (театр, «вуз-не-филиал» и т.п.).

Подобные ограничения вполне объективны и неизбежны и не умаляют достоинств малого города. Другое дело – влияние настоящих обстоятельств отечественной социальной реальности, существенно искажающих стандарт пространственно-временных реалий. В первую очередь, среди данных обстоятельств надо назвать отток из малого города молодежи, старение социального состава, что, в свою очередь, увеличивает социальную составляющую городского бюджета. Далее, свою негативную роль играет сокращение производства на градообразующих предприятиях, чреватое регрессивным развитием сельского образа жизни, переходом значительной части трудоспособного населения, по сути, на «подножный корм» со своего дачного участка. Иным следствием свертывания производственных мощностей становится рост «мелкого бизнеса», как вынужденного рода деятельности, способа выживания, ни в коем случае не как способа проявления бизнес-инициативы.

Впрочем, эти и иные проявления скорее макросоциальных процессов, чем свойственных малому городу качеств, заслуживают отдельного, обстоятельного осмысления и исследования.

ЯНВАРСКИЕ ТЕЗИСЫ

Олег КОПЫТОВ,
г. Хабаровск.

По-моему, большие Новогодне-Рождественские праздники лучше всего провести за чтением (хотя, если честно, тупо глушить целую неделю водку не позволяет здоровье, не менее тупо смотреть телевизор – сам телевизор, а махнуть на неделю даже не на Канары, а на Курилы – размеры жалованья). Но и обложившись книгами, газетами, журналами даже на целую неделю, в общем-то, не разгуляешься по одной простой причине: уж очень этих самых книг-газет-журналов, причем стопроцентных новинок, много. Сотни, слагающиеся в тысячи. Однако здесь есть два незаменимых помощника: один по имени Интернет, где по ключевым словам можно сосредоточиться на интересующей тебя теме, другой – жанр дайджеста, где любезные обозреватели (например, Андрей Василевский из «Нового мира» или Андрей Архангельский из газеты «Взгляд» и немало других) периодически поставляют навигационное оборудование для путешествий в океане современной изящной и не очень словесности. Некоторый трофей такого путешествия в виде тезисов на заданные темы я и готов здесь представить читателю «ЛитМ».

Каков он – сегодняшний герой русской литературы? Наверное, стоит согласиться с теми, кто утверждает: в сегодняшнем герое русской литературы (прежде всего, конечно, со страниц прозаических произведений) почти стерлись индивидуальные черты. Это, скорее, набор отвлеченных представлений. Целую статью такому утверждению посвятила газета «Взгляд» (<http://vz.ru/culture>). Даже в литературе больших мастеров (Маканина, Кабакова, Прилепина и Пелевина) критики видят «функции», а не подлинных героев. Кирилл Анкудинов («НГ Ex Libris», 2008, № 30, 28.08.08) выразился вообще в историко-культурном контексте: «...у современного писателя Анна Каренина – непременно встретит дракона, а Пьер Безухов – прочтет Священную Книгу. Потому что современному читателю Мудрость Вселенной интересна, а Анна Каренина интересна куда меньше. Мне кажется, что человечество стремительно возвращается в средневековье. А средневековье отличалось одной особенностью: отдельно взятая личность с ее «неповторимым внутренним миром» тогда не интересовала никого; она была различима только как часть чего-то общего».

Позволю себе пару конкретных штрихов. Другими словами, из современной русской литературы исчезают как рабочие такие категории, как психологизм, прототип, наблюдение над жизнью, автобиографические черты, в конце концов – принцип правдоподобия... И еще более конкрет-

ротно, правда, не из области штучных произведений мастеров, а из моря разлитого. Если сегодняшний герой – олигарх, то это не тот, кто когда-то учился в такой-то школе, был влюблен в такую-то девочку, получал синяки от таких-то хулиганов, так-то пытался самоутвердиться в жизни... и т.д., и т.п... Это сразу некий манекен на такой-то машине, в костюме от S, приводящий молодых любовниц в отель такой-то, держащий жену на таком-то расстоянии, даже лежа с ней в постели, имеющий конфликт (какой же сюжет без конфликта!) с N. Определенным набором характеристик (как сотовый телефон такой-то модели, компьютер такого-то поколения, цифровой фотоаппарат с таким-то линейным разрешением) обладают герои не с именами, а с функциями «девушка олигарха» (вариант «молодой человек олигарха»), «продюсер» (варианты «кинорежиссер», «телеведущий»), «следователь генпрокуратуры» («простой опер» уже никому не интересен), «банкир, вылезший из криминальных авторитетов» и т.п. Впрочем (особенно в немосковском литпроцессе), весьма распространен и другой «герой» – стареющий нытик (например, литератор, когда-то умевший пробиться в литтусовке советского типа / в советском вузе профессор / в советской медицине медик и т.д.), теперь, не умея адаптироваться к новой жизни и считая скудные копейки, поливающий проклятьями «дерьмократов»... Несть числа и литературе с «драконами» и «священными книгами»...

Молодому, неискушенному прозаику это обязательно стоит взять на заметку, причем и если он хочет занять *свое место* в литературе, и если желает просто *«удачно влиться в поток»*.

Насколько профессиональна современная литература? Очень мало профессиональна. Точнее, так: профессионализм (в данном случае – несомненный природный литературный дар, помноженный на ежедневное упражнение в писании и саморедактировании) обратно пропорционален чуть ли не ежедневно возрастающему количеству пишущих (количество только отмеченных УДК и ББК художественных и публицистических книг на русском языке измеряется в 2000-х гг. сотнями тысяч за год). Почему? Один из ответов (отмечу – всего *один из*): сегодня литература – это наиболее доступный и эффективный способ лечения неврозов и комплексов, которыми современное общество перенасыщено. Цитата в тему. На вопрос, «Куда, по Вашему мнению, дрейфует современная литература?» – писатель Алексей Иванов («Пермская обитель» и др. романы пермского цикла) отвечает: *«К непрофессионализму и личностной несостоятельности авторов. Но туда плывет не только литература, но и еще многие отрасли деятельности»*. И ставит такой литературно-врачебный диагноз: *«Самовыражение – это компенсация своих комплексов»* («НГ Ex Libris», 2008, № 30, 28.08.08).

Молодому писателю на заметку. Далеко плыть в непрофессионализм и скуку невозможно – упрешься в забор. Так уже было в истории мировой литературы, например, в скучнейшем, с литературной точки зрения, раннем средневековье (за которым последовали рыцарские романы и Данте). Надо бы обратить внимание на «личностную несостоятельность», если таковая имеется, и начать писать свою лучшую книгу... сюжетом собственной жизни.

Куда теперь плыть России? Наверное, теперь – окончательно и бесповоротно – к себе самой, без какой бы то ни было оглядки на «цивилизованный Запад». Михаил Бударгин: *«Если в представлении Запада Россия – уже «агрессор», это означает только то, что отныне России позволено всё: мы слышали уже достаточно лжи и передергиваний, чтобы больше не верить ни в какое «международное сообщество» и не признавать никакого «цивилизованного мира»*. («Новые хроники», 11.08.2008; <http://novochronic.ru>).

Молодому писателю на заметку. Конечно, это не означает, что Кафка, Пруст, Джойс, Апдайк и Айрис Мёрдок уже не актуальны.

Заметно ли то, что происходит на литературном Дальнем Востоке, в Москве и вообще на всем российском пространстве? Заметно. В частности, обозреватель «Нового мира» Андрей Василевский регулярно читает провинциальную литературную периодику, в частности, он отметил («Новый мир», 2008, № 12) одну из публикаций «Дальнего Востока» 2008-го года (к сожалению, только одну) – переводы владивостокского поэта Вячеслава Протасова стихов Эмили Дикинсон (№ 5 за 2008 год) и статью владивостокчанки Татьяны Аникеевой о знаменитой «затворнице из Амхерста» – американской поэтессе, чье имя сегодня ставят в ряд с именами Уитмена и Лонгфелло.

Понятно, что для литератора, живущего к востоку от Читы, просто выбор «экзотической темы» – о тайге, тиграх, приморских заливах и проч. – это не основание тому, что получится что-то стоящее. Основание в литературе всегда одно – вечные, «последние» вопросы бытия. Которое одинаково везде: в Аризоне, Москве или поселке Угольные Копи близ Анадыря.

Может ли порадовать современность новыми жанрами? Может. Не знаю, правда, насколько новым может быть то, что в этой нашей родной, такой молодой, но, с точки зрения тысячелетней мировой культуры, всё-таки старой современности появляется. Но – появляется. Алиса Ганиева: *«В последнее время в российском книгоиздании стал популярен компромиссный жанр – роман в рассказах. Нововведение одновременно и в крупной, и в малой прозе. Не один сюжет, но и не сброшюрованное «лучшее» из малого»* (Изобретение малой формы. – «Октябрь», 2008, № 7). Далее А. Ганиева относит к новому жанру книги последних лет Кабакова, Гришковца, Прилепина, Волоса и других. Правда, для меня осталось непонятным, чем конкретно отличается современнейший «роман в рассказах» просто от цикла рассказов, от тех же «Тёмных аллея» Ивана Бунина. Во всяком случае, тенденция, когда над рядом коротких законченных историй с разными персонажами автор располагает «что-то большее», например, особый взгляд на любовь, верность, честь, наверное, всегда перспективна. И тут же подумалось: а может, в ближайшем будущем мы увидим книгу, где будут собраны рассказы, напечатанные каким-то автором в разных номерах «ЛитМ», а теперь сложенные в «роман в рассказах»?

Вот только когда такое время настанет и кто будет таким автором, пока, конечно, совсем неясно.

НУ ЧТО Ж, ВЕРНЁМСЯ К ПИРРИХИЯМ...

Владимир ТЫЦКИХ,
г. Владивосток.

Пиррихий – ...в русскую поэтику термин П. введен В. Тредиаковским для обозначения двух смежных безударных слогов в ямбическом или хореическом стихе...

А.П. Квятковский. Школьный поэтический словарь. М., «Дрофа», 1998. С. 248.

«МЭТРЫ», КОНЕЧНО, НЕ МЭТРЫ

Светлана Шкляева приглашает к диалогу («ЛитМ», № 2, 2009). Принимаю приглашение вслед за редактором (комментарий В. Костылева напечатан рядом с письмом С. Шкляевой). Принимаю не потому, что у Светланы Ионовны есть увесистые высказывания в мой адрес (имя прямо не названо, но посылы в статье прозрачны и ясно указывают на объекты критики), а потому, что автор затронул действительно важную тему. Даже несколько тем. Но, мне кажется, ни одна из них не доведена до сколько-нибудь убедительного завершения, а в построениях автора немало откровенного субъективизма, но много чего спорного. И чувствуется раздражение, которое никогда и никому не помогало познать еще непознанное.

Большой вопрос: Светлана Шкляева и вправду хочет что-то прояснить для себя (и, как она утверждает, для читателей) или просто упрекает «Литературный меридиан» в недостаточной (скажем так) творческой состоятельности, а отдельных авторов его – в снобизме и неуважении к читательскому большинству, которое (по определению?) исключительно и всегда право? *«Дорогие «небожители», целиком и полностью признаю ваше превосходство...» «...натыкаюсь на... отстраненность и безразличность к своим менее опытным собратьям»...* О чем свидетельствуют подобные заявления? А ведь здесь не интонация, тихонько прозвучавшая в отдельных местах, а сквозной мотив всего выступления.

Кто конкретно и в каком именно месте требовал от Светланы Ионовны «целиком и полностью признать превосходство»? Зададимся сим вопросом попутно, а начнем, пожалуй, с этих возмутительных «небожителей». О фамилиях, не названных автором, легко догадаться. Среди них Литературный институт за плечами у одного Юрия Кабанкова, ныне кандидата филологии и доцента Дальневосточного университета (и что же в этом плохого и обидного для нас, всех остальных «литмеридианцев»? Геннадия Богданова я знаю без малого двадцать лет, все это время он работает водителем. Я по первому диплому – фельдшер, ставший матросом на Тихом океане, после военно-морского училища через семь лет службы на надводных кораблях и подводных лодках

неожиданно попавший в военную печать. Мне шел уже четвертый десяток, и я не знал разницы между заметкой и информацией, а о звании литератора не помышлял. Так что, как и Светлана Шкляева, которая «в литинститутах не училась», я ни в «писатели», ни в журналисты не готовился и никакого филологического образования не имею.

Тут кстати будет вспомнить, что один из лучших дальневосточных поэтов Геннадий Лысенко прошел свои «университеты» в заключении, что широко эрудированный поэт и переводчик Вячеслав Протасов учился в Горьковском университете сугубо техническому делу и всю жизнь работал исключительно «с железом и электричеством», а у знаменитого писателя, создателя замечательных исторических романов Валентина Пикуля было всего пять классов образования – столько же, сколько у бывшего дальневосточника Анатолия Буйлова, автора известного в свое время романа «Тигроловы»... И никто из выше перечисленных мэтров (или «мэтров»?) ни от каких «Литературных меридианов» не требовал, чтобы их научили писательскому таланту и растолмачили смыслы «сложных терминов»...

Слово «мэтр» я не люблю и практически не употребляю. А когда оно звучит применительно ко мне (на чужой роток не накинешь платок), воспринимаю его абсолютно иронически. Меня не раз подмывало обратиться к товарищам по «Литмеридиану» (Геннадий Валентинович, обратите, пожалуйста, внимание) с манифестом – исключить это слово из употребления в разговорах о творчестве друг друга. Но тема неизменно представлялась до смешного незначительной, и не хотелось тратить время на заведомые пустяки. Как-то даже не думалось, что эти мэтры (как мы видим у С. Шкляевой, «мэтры» в кавычках) могут у кого-то сбить дыхание и заставят переводить на них чернила, словно бы они нечто подлинно важное и взаправду серьезное.

ПИРРИХИИ – НЕ ПОВОД ДЛЯ ОБИД

Нимало не стыдись и ничуть не краснея, признаюсь, что без подглядывания в словарь (да, иногда приходится) не отличу анапеста от амфибрахия и запросто перепутаю даже ямб с хореем. Что до пиррихия, честно скажу: впервые о нем узнал с прочтением (совсем недавно) полемических статей Н. Чайки и Г. Богданова.

Как-то не додумался попенять Чайке, Богданову, а заодно и Костылеву со всем «Меридианом» за факт употребления незнакомого «термина». И в отсутствии его толкования, увы, не разглядел «высокомерного презрения» и «холодного, равнодушного взгляда» (см. у С. Шкляевой).

Вместо столь мужественного и честного шага я мало-

душно и обреченно полез в словари. «Литературный энциклопедический словарь» (М., «Советская энциклопедия», 1987. с. 278), «Краткий словарь литературоведческих терминов» (М., «Просвещение», 1985. с. 109), «Школьный поэтический словарь» (см. эпиграф)...

Пиррихии оказались везде. Даже и в «Школьном поэтическом». Впору было устыдиться: о них знают и школяры. А я-то, несмотря на свои почти шестьдесят... и – двадцать лет членства в Союзе писателей... Ну и так далее.

Однако – ни стыда, ни обиды. Только живая радость узнавания. Чувство маленького, но – открытия.

ПИРРИХИЙ (от греч. *pyrriche* – военная пляска) – в античном стихе – стопа из двух кратких слогов. В силлабо-тоническом стихосложении П. стали называть сочетание двух подряд безударных слогов среди стоп ямба и хоря.

Большое желание – привести примеры из указанных словарных статей. Но, экономя площадь «ЛитМ», опять вынужден отослать читателей к первоисточникам. Несмотря на то, что это должно вызвать справедливое возмущение Светланы Шкляевой...

Случайно или нет, а вышло кстати. Узнав благодаря Чайке и Богданову о пиррихиях до знакомства со статьей Любови Самойловой, я оказался готов «научно» аргументировать свою позицию и уверенно полемизировать в вопросах, касающихся ударения в поэтической строке. Не исключено, что моя публикация послужила дополнительным раздражителем для Светланы Шкляевой. Но ее утверждение «Внимательно обдумываю каждую строку критических статей» вызывает сомнение. Если бы «Лавровый лист – не лавровый венец» был ею внимательно прочитан, она могла бы воздержаться от категорической оценки строки «Может быть, много лет она вас ожидает» (Светлана Ф.). Попутно заметим: здесь трудно не обратить внимания на ошибку самого критика. Фраза «Нарушено звуковое восприятие, потому что ударение падает не на тот слог», конечно, должна однозначно свидетельствовать, что нарушено звучание строки, а на самом деле двусмысленна и может восприниматься как констатация нарушения восприятия этого звучания. То есть, выходит, «нарушено звуковое восприятие» у самой Светланы Шкляевой.

Русский язык – дело тонкое.

К слову сказать, пиррихии появились в нашем ежемесячнике всего трижды за два года – у Чайки с Богдановым да у меня. С чего вдруг оказана им такая честь Светланой Шкляевой?

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ – НЕ УЧЕБНИК

Читаем: «...понимаю не все и соглашаюсь не со всем».

Признаюсь – я тоже. И, думаю, это абсолютно нормально. Пусть кто-нибудь покажет хоть одного человека, который понимает все и со всем соглашается!

Но читаем дальше: «Сейчас в ежемесячнике такая картина: один мэтр объясняет нам, какие мы недалекие, неумелые, все сплошь графоманы, а пишущая братия, пристыженная своей бестолковостью, не может дать внятного ответа, да и, собственно, до конца не понима-

ет, в чем она провинилась, ибо ей попались учителя-прокуроры, обличающие в бездарности и безграмотности, вместо того, чтобы с великим терпением, как и подобает учителям, объяснять и показывать на примерах, как можно (о том же и теми же словами) высказать умно и красиво свою мысль».

Очень смелое утверждение! Очевидно, оно относится к ежемесячнику в целом. Но только в одном последнем номере – два с половиной десятка авторов. Вы, глубокоуважаемая Светлана Ионовна, говорите от их имени? И не сомневаетесь, что они, все без исключения, безоговорочно разделяют вашу позицию?

В процитированном отрывке сказано столько, что никакой умник, никакой самый добрый и мудрый учитель «не может дать внятного ответа».

Дорогая коллега, назовите, пожалуйста, кто этот страшный «один мэтр», внушающий всем остальным, что они «недалекие, неумелые, все сплошь графоманы!» Назовите хоть одну фамилию из «пишущей братии», которую унизили в «Литературном меридиане!» В ежемесячнике не так уж много материалов, где разбиралось бы хоть что-нибудь творчество. Но (убедительно или неубедительно, поверхностно или подробно, вполне корректно или весьма неуклюже – бывает, конечно, по-разному) разговор идет **о текстах**, о конкретных **строках и строфах**, о недостатках и достоинствах произведений, но, кажется, не сопровождается персональными оценками **авторов**, не переходит **на личности**.

Если в «ЛитМ» есть «мэтры», заслужившие самой суровой критики, то желательно назвать их конкретно по фамилиям и конкретно указать материалы, ставшие поводом для рекламаций. А вот обобщать, наоборот, не следует. А то получается, что у нас один «мэтр», несколько «учителей-прокуроров» и – ни одного светлого пятна.

Светлана Ионовна, прочтите, пожалуйста, себя повнимательней. Не обнаружите ли Вы в Вашем письме некоторый избыток досады, не вполне аргументированные претензии, весьма оскорбительные для актива «ЛитМ» обобщения?

Вы и впрямь уверены, что одни читатели-авторы «Меридиана» должны «с великим терпением» «объяснять и показывать», а другие гневно их осуждать за то, что они плохо справляются с поставленными задачами? Разве мы все не имеем равные права и обязанности друг перед другом? А что если вообще никто никому не обязан и ничего не должен?

В предыдущей главке я специально процитировал определение пиррихия. В нем есть понятия *античного стиха, стопы, кратких слогов, силлабо-тонического стихосложения*, а также *ямба и хоря*. Вы не допускаете, что какие-то из этих понятий кому-то из нас могут сегодня оказаться неизвестными? Не кажется ли Вам, что, «ЛитМ» следует срочно дать необходимые разъяснения? А то ведь слова останутся не «понятны желающим «поднатореть»».

Попробуем представить, во что в таком разе превратится наш любимый «ЛитМ»...

Не знаю, кто может научить «(о том же и теми же словами) высказать умно и красиво свою мысль». Достоверно известно: можно способствовать развитию таланта, но нельзя «выучить на писателя» человека, не имеющего

природной склонности к литературе. Увы, за перо в немалом количестве хватаются и люди, которым не в силах помочь и самые гениальные учителя.

За непосильное дело не берусь ни за какие коврижки, но могу, если хотите, поделиться опытом расширения словарного запаса.

В девять лет я прочел «Двенадцать стульев» с «Золотым теленком». В книгах оказалось так много непонятного, что их, пожалуй, если руководствоваться Вашей логикой, следовало сжечь, а Ильфу с Петровым – запретить заниматься литературой. В небогатой семье не было словарей, мир не знал интернета, телевидение только-только зарождалось, никаких учебных программ не существовало. Я завел тетрадку, в которую внес не десятки – сотни незнакомых слов. Потребовалось, конечно, время на расшифровку их смысла. Пришлось, знаете, даже записаться в библиотеку, да и не в одну.

И вот что странно – искренне благодарен Илье Ильфу и Евгению Петрову.

А записных книжек у меня теперь – целый чемодан, и непрерывно появляются новые...

Нет, право же, Светлана Ионовна, местами Вы просто убиваете и умиляете одновременно! Вот чрезвычайно проникновенная мысль, призванная вызвать у нас бесконечное сочувствие ко многим несчастным: *«есть люди, проживающие в небольших сельских поселках, где трудно со специальной литературой»*. Господи, какой страшный стыд обязаны мы испытывать оттого, что не живем одной жизнью все вместе «в небольшом сельском поселке» и кто-то, желающий стать писателем, не станет им по причине отсутствия какого-нибудь словаря!

Позвольте спросить: как вам видится врач, у которого нет фонендоскопа и элементарного градусника? Если он прописан в населенном пункте, где нет магазина медицинских инструментов, не будут ли, по Вашему мнению, виновны в этом все врачи из всех других населенных пунктов?

Само собой разумеется, в литературном издании существенное место занимают критика и библиография. И все мы, имея хоть мало-мальский литературный опыт, можем делиться им на страницах ежемесячника. Что, в общем-то, и делаем по мере сил. Возможно, даже кое-чему друг у друга учимся. Прежде всего – непосредственно на произведениях. Но лучше все же учиться у Пушкина, Достоевского и т.д. – в отечественной и мировой литературе больше чем достаточно выдающихся образцов и примеров для подражания. Да беда, наверное, в том, что Пушкину и Достоевскому не предъявишь претензии в случае неуспеха...

Ни один журнал, ни одна газета не являются инкубаторами для разведения гениев, и винить кого-то за то, что не всякий начинающий непременно становится мастером художественного слова, по меньшей мере, наивно. В мире нет методического пособия, раскрывающего тайну таланта и формулу творчества.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Желающих стать олимпийскими чемпионами наверняка много больше, чем собственно чемпионов. Количество мечтающих о писательской славе значительно превосходит число умеющих писать. Даже сегодня, ког-

да литература почти на сто процентов перестала быть кормящим делом, а превратилась в тяжкий, зачастую неподъемный крест, могущий показаться привлекательным только сторонним зрителям, очень романтичным и очень несведущим.

Олимпийцы благодарны своим наставникам-тренерам, но как-то не слышно о спортсменах, которые обвиняют в неудачах (что они, например, не заслужили золотой медали) тех своих коллег, кому это удалось.

Однако не переводятся люди, полагающие, что кто-то может (и даже обязан!) сделать их писателями, в противном случае место ему – в этих презренных «небожителях», бесстыжих «прокурорах», и хорошо бы, чтобы их всех побил град и до седьмого колена прокляли соседи. Да ведь не поможет! Писателем можно стать, но сначала им надо родиться.

Я не читал произведений Светланы Ионовны Шкляевой, не знаю степень ее литературной одаренности (текст статьи, впрочем, весьма грамотный и даже отмечен некоторой художественной живостью). Необъяснимую для меня наивность (или, может быть, ревнивую злость) демонстрирует не одна она. Совершенно неожидан упрек Николая Чайки в адрес Валентина Григорьевича Распутина. Упрек этот даже и не упрек, а какой-то дикий выпад. И по форме, и по существу. Жесткость, больше того – жестокость, которую позволил себе уважаемый мной Николай Чайка по отношению к выдающемуся писателю и на редкость совестливому человеку (заметим, не к его творчеству, на что любой из нас как раз право имеет), настолько превосходит резкость суждений Светланы Шкляевой, что заставляет подумать о диагнозе. Очевидно, мотивы, движущие тем и другим нашим критиком, весьма схожи. Оба почему-то считают, что к ним не проявлено внимание, какого они якобы заслуживают и требуют в самой непререкаемой форме.

Не хочется думать, что Николай Чайка так сильно осерчал из-за одного только, вполне объяснимого, отказа писателя прочесть его рукопись или книгу (можно представить, сколько литературной шантрапы одолевает живого классика, можно допустить и его усталость, и нездоровье, и иные, самые разные, но, не исключено, извинительные поводы для отказа). Сейчас я не способен к глубоким размышлениям на эту тему – надо, чтобы прошел шок.

А вот насчет Светланы Ионовны Шкляевой могу высказать версию, основания для которой есть в тексте ее статьи. Не противопоставляет ли она «Лукоморье» «Литературному меридиану»? Тогда возникают совсем другие вопросы. Один из них: если «Лукоморье» так хорошо учило своих приверженцев на протяжении почти десяти лет, зачем им теперь учиться у «Литературного меридиана», не пора ли самим стать «учителями»?

Однако не стало ли сегодня сравнение двух изданий делом сколь деликатным, столь и бессмысленным? Не стоит ли нам смириться с тем, что это издания разные, и, следственно, у того и другого – свои авторы и читатели? И, конечно, свой уровень требований, свои критерии, своя творческая планка.

Может быть, каждый, наконец, сделает выбор и останется ему верен навсегда, и всё всем станет понятно, и больше никто никого ни в чем не захочет обвинять?

Водопады горы Лысой

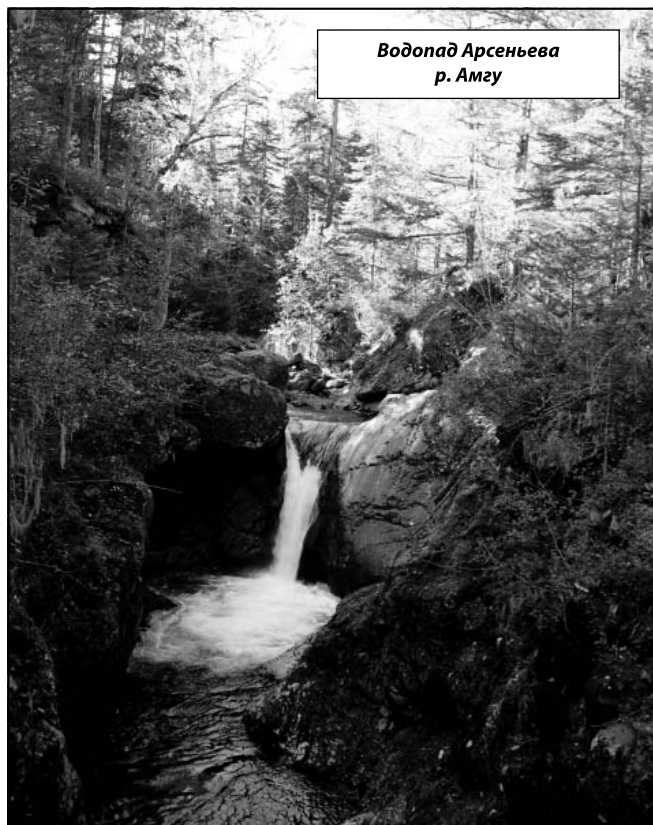
Владимир МАРАТКАНОВ,
г. Находка.

Сама природа словно позаботилась о человеке, создав в самом доступном районе Приморского края целый комплекс красивых гор, скал, ключей и водопадов. Приходите и любуйтесь!

Самый красивый и второй по величине водопад из всех известных в Приморье находится на ключе Еламовском, что в Лазовском районе. Его называют Беневским. Это потому, что село Беневское находится всего в трёх километрах от сворота с трассы в тайгу к этому водопаду. От поляны, где все оставляют свой автотранспорт, по хорошей тропе, не торопясь, до него можно дойти за полтора-два часа. Это настолько удобно, что выехав, например, из г. Находки в 5 часов утра, уже в 9 часов можно любоваться шедевром природы, освещаемым первыми лучами солнца. Вода, падая с 20-тиметровой высоты на выступающий в средней части водопада уступ, разбивается, разливаясь по отполированным веками чёрным камням, сложенным в виде пирамиды, и заканчивает свой красивый полёт в огромном котле. Водопад чем-то напоминает ступу.

Если подняться по крутому склону и немного пройти вверх по ключу, то попадёте в ущелье, где перед вами предстанет ещё один водопад, чуть меньше первого. Обычно большинство туристов этим и ограничиваются, преодолеть вертикальные стены ущелья отваживаются немногие. Те же, кто посмелее, справившись со страхом и затратив определённые физические усилия, преодолев этот барьер, в награду получают доступ к третьему водопаду. Он совсем непохож ни на первый, ни на второй. За этим водопадом сразу же следуют два красивых водоската. Сверху последнего водоската, если оглянуться в сторону водопадов, открывается захватывающая дух картина. Отвесные скалы прижали ключ настолько, что кажется, ещё чуть-чуть, и он будет пойман. Здесь достаточно небольшого землетрясения, чтобы осыпи сдвинулись с хребтов, сомкнулись друг с другом, тем самым образуя вверху огромное горное озеро. Видимо, всё это и произойдёт. Интересное будет зрелище!

На осмотр всех водопадов и водоскатов требуется не более часа. После чего можно пообедать у первого большого водопада на красивой полянке, возвратиться к машинам и к 19 часам вернуться в Находку. Но большинству туристов такая спешка не нужна. Обычно, приехав на поляну, располагаются на ночь. В первый день рыбачат, ходят за грибами. Вечером поют песни у костра. Засыпают под журчание ключика. На рассвете отправляются в путь. На лесной тропе можно встретить мужчин и женщин, детей и совсем пожилых. Идут большими группами и поодиночке. Идут с большими рюкзаками и вовсе без рюкзаков. Идут владивостокские, уссурийские, артемовские, партизанские, находкинские и, что удивительно, даже лазовские любители природы. Те, что с большими

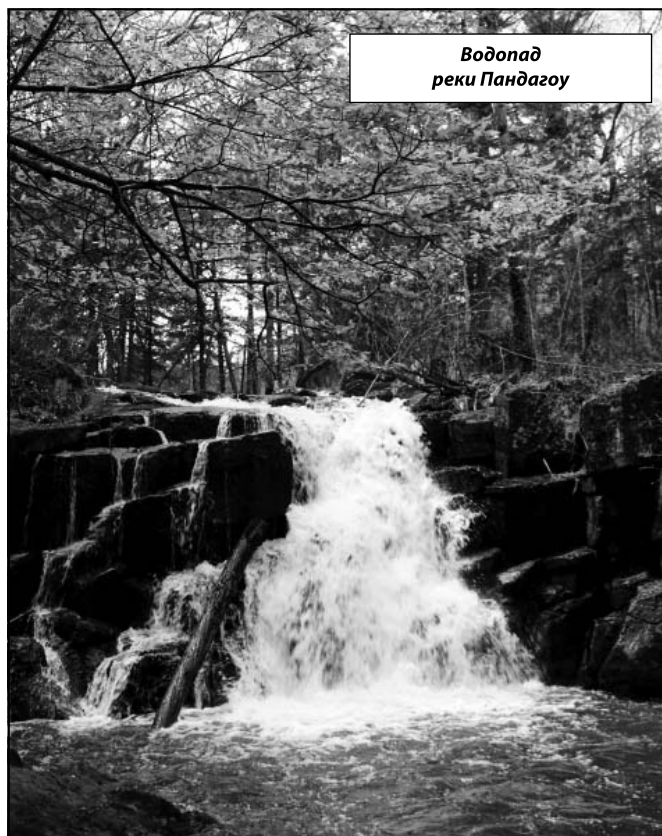
Водопад Арсеньева
р. Амгу

рюкзаками, идут на вершину горы Лысой. Подъём на неё начинается между первым и вторым водопадами, по тропе вдоль ключика, впадающего в Еламовский ключ. Через сотню метров этот ключик исчезает под камнями. Именно по руслу этого сухого ключика между двумя хребтами-осыпями путь к вершине горы. Идешь по камням, как по ступенькам. Через два-три часа тропа приводит туриста к перевалу, находящемуся между двумя вершинами горы Лысой. Перевал зарос ельником. В ельнике есть поляна – именно на ней останавливаются туристы на ночь. Недалеко от поляны находится родник, не исчезающий даже в самое засушливое лето. С любой из этих вершин открывается удивительный вид. Рядом на юго-западе возвышается гора Белая, вершина которой заросла кедровым стлаником. На севере простирается Алексеевский хребет с вершинами гор Ольховой и Крутой. К северо-востоку хребет Тачин Гуан (Партизанский) делает полукруг и примыкает к горе Крутой. На этом овале гирляндой располагаются высокие вершины. Весь бассейн реки Алексеевки покоится как бы в огромной чаше. На юго-востоке за рекой Киевкой, заняв, кажется, половину заповедника, находится гора Чёрная. Река Киевка, извиваясь, исчезает далеко на юге, там, где море. С южной стороны обе вершины горы Лысой покрыты курчумниками. Лишь кое-где между камнями небольшими

островками растёт каменная берёза. На севере картина совсем иная. Здесь альпийские луга, заканчивающиеся сплошными зарослями кедрового стланика и каменной берёзы. Ещё ниже начинается елово-пихтовая тайга. Осенью на альпийских лугах идёт сбор голубики и брусники. Здесь на одной поляне порой можно увидеть с одной стороны человека с совком в руке, а на другой мишку, гребущего ягоду лапами.

С вершины горы Лысой редко, но можно увидеть красивый рассвет, и если повезёт, то необыкновенный закат. Обычное явление – на вершине туман, морось, дождь. Почти всегда ветер. Если гора покрывается туманом, холодно даже в жаркий день. Становится понятным, почему на этих осыпях жизнь не замирает даже в самое засушливое лето. Повсюду цветы, ягоды, грибы. Весь секрет в туманах. Они оседают на мох, который, как губка, впитывает влагу и затем равномерно распределяет её в течение необходимого для жизни растений времени. Туманы на Лысой часты. Порой за один летний день они приходят и уходят более десятка раз. Всё это происходит, как в сказке. Сначала с юга по ущелью поднимается узкая белая струйка, она стремительно летит к вершине. Затем на глазах из этого белого змея вырастает облако. Оно набрасывается на вершину, и за считанные минуты всё кругом покрывается густым туманом. Этот туман, влекомый сильным ветром, куда-то летит и летит. Кажется, что этому не будет конца. Но вдруг начинает быстро светлеть. Ещё минута-другая, – и от тумана не остаётся и следа. Лишь белые облака, как стая лебедей, улетают куда-то за Алексеевский хребет. Вновь жаркое солнце, комары, гнус. Не проходит и получаса, как всё повторяется. Стоит ли после этого удивляться, почему на камнях, где почти нет никакой земли, каким-то образом растёт ель и берёза, микробиота и кедровый стланик, рододендрон и жимолость, десятки видов горных цветов, брусника и голубика.

Но это ещё не вся красота, которую хранит гора Лысая. Те немногие туристы, которые избирают иной путь к её вершине – по ключу Еламовскому до его верховий и далее до перевала, соединяющего горы Лысую и Белую, – в награду получают радость созерцания не менее десятка самых разнообразных водопадов до 15 метров высотой. Этот путь тяжёлый и опасный. Порой приходится преодолевать почти вертикальные стены ущелья. След здесь можно встретить только медвежий. Но ещё более трудный путь к вершине горы по ключу Чашевитому. Этот ключ несёт свои воды параллельно ключу Еламовскому за хребтом в трёх километрах в ту же реку Киевка. Никаких признаков, что по нему ходили люди, не найдёшь. Большую часть времени приходится идти непосредственно по ключу, ибо с обеих сторон каменные стены ущелья завалены стволами павших деревьев, заросших лианами и непроходимыми кустарниками. Водопадов на этом ключе больше, чем на Еламовском. Один из них выше первого Еламовского раза в полтора. Он находится в узком каньоне. Чтобы его сфотографировать, необходимо проявить мастерство в лазании по скалам. Если весь путь от поляны, на которой все останавливаются ночевать, до вершины горы Лысой по лёгкому маршруту занимает не более четырёх-пяти часов, то подъём по ключу Чашевитому едва укладывается в летний свето-

Водопад
реки Пандагоу

вой день. Для тех, кто не любит замкнутого пространства ущелий, гора предоставила хребет. Начало его недалеко от поляны, где находится лагерь. Идти по хребту одно удовольствие. По мере восхождения к вершине горы открывается вид двух распадков-ущелий, в которых стремительно бегут ключи Еламовский и Чашевитый. На отрогах хребта стоят полуразвалившиеся скалы-замки. Есть ещё два пути к вершине горы Лысой. Со стороны реки Алексеевки. Первый – по ключу Безымянному, устье которого находится за своротом к зимовью Шунина. Тут заблудиться невозможно, ибо тропа выведет к самому перевалу, находящемуся между горами Белой и Лысой. На этом ключе не встретишь ни одного водопада или водоската. Второй путь – по ключу Полюшка, большую часть которого приходится преодолевать по воде, так как берега и склоны непроходимы. Ключ Полюшка очаровывает своими водоскатами, конца которых увидеть не представляется возможным.

Если у читателя возникнет мнение, что гора Лысая исследована и интереса для новых посетителей не представляет, то он ошибётся. Ключ Полюшка разделяется на три ключа. Те редкие туристы, которые поднимаются на гору Лысую по этому ключу, обычно выбирают лёгкий путь к перевалу. Почти никто не идёт другими ключами, начинающимися на вершинах двух гор – Лысой и Безымянной, 1421 м высотой. Кроме того, совершенно не исследован безымянный ключ, который находится между ключами Чашевитым и Кедровым. Да и верховья ключа Кедрового, берущего своё начало от вершины горы 1421 метр, никем из туристов не пройдены. Даже на самом ключе Еламовском, не доходя с километр до большого водопада, есть ключик, вытекающий из глухого тёмного ущелья, никем из туристов не обследованный. А множество скал, стоящих замками на склонах хребтов? А сам лес, стоящий могучей стеной?

По следам лоцмана «Бианки»

Н. Кошелев,
капитан малого плавания,
г. Николаевск-на-Амуре.

Однажды мне показали старинный мельхиоровый подстаканник. Уже сам по себе предмет чайного сервиза казался необыкновенным. Корпус изделия состоял из тончайшего кружевного набора, вне всякого сомнения, сотворенного руками искусного мастера. Но монограмма на ободке основания, что называется, превзошла все ожидания. «С 60-летием, друг Борис! Седой Амур не забыл лоцмана "Бианки"», – уверяли юбиляра старые друзья.

Красивый текст на мог не вызвать пересудов. Ясно, что «Бианка» – это крупный морской пароход, приходивший на местный рейд. Но почему этому эпизоду придавалось такое значение, мало ли судов посетило Амур? А кто такой Борис? И вообще, как подступиться к тайне, когда сам капитан порта в разговоре со мной развёл руками.

Мои визиты в музей и архив тоже ничего определенного не дали. Эти казенные конторы меньше всего интересовались таинственным. Около десяти лет собирались скупые и разрозненные сведения по истории судоходства в нашем районе, но образ лоцмана «Бианки» по-прежнему таился за далью ушедшего времени.

В свое время я писал о создании коммерческой лоцманской артели. До этого проводку судов по лиману обеспечивали военные моряки, состоявшие на действительной службе. Логично было предположить, что это они причастны к проводке «Бианки». Поразмыслив, написал о своих затруднениях в Центральный государственный архив ВМФ, расположенный рядом с Зимним дворцом. На мою слезницу неожиданно быстро пришел ответ, где меня извещали, что учреждение перегружено подобными просьбами, и любезно предлагали приехать и лично поработать с документами, обещая помощь и содействие. Такое заманчивое предложение вполне меня устраивало. Как только закончилась навигация, недолго раздумывая, помчался в город на Неве.

В сокровищнице, бережно хранящей уникальные документы нашего флота, встретили приветливо. После чванливых и хамовитых николаевских чиновников внимание и обходительность сотрудников архива казались удивительными и приятными. После заполнения необходимых документов, меня провели в читальный зал, где научили отличать «опись» от «фонда», показали, как правильно оформлять заявку на получение дел из хранилища, расположенного за аркой Генерального штаба.

Говорят, что со счастьем на клад набредёшь – без счастья гриба не найдешь. Есть, есть у меня это счастье, самодовольно думал я, вскоре отыскавший отчет лоцмейстера Амурского лимана за 1904 год, который прочитал на одном дыхании, тщательно выписывая интересные места.

Лейтенант Михаил Евграфович Чепелев по поводу моей заботы писал: «Седьмого июня представитель фирмы «Небаль и К*» обратился ко мне с просьбой дать лоцмана для проводки ожидавшегося парохода «Бианка» по фарватеру Невельского. Ввиду того, что мои лоцманы совер-

шенно не были знакомы с этим фарватером, я отказал».

Ради справедливости нужно признать, что мои предположения на сей раз подтвердились. Однако в свете изложенного уважаемым лоцмейстером напрашиваются два вопроса. Первый: почему лоцманы не знали фарватер, открытый более полувека назад? Второй: почему лейтенант М.Е. Чепелев, по долгу службы ответственный за проводку коммерческих судов, уклонился от оказания помощи пароходу, стоящему на якоре в открытом море, в угольных ямах которого после дальнего вояжа осталось ограниченное количество топлива? Кроме того, существовала реальная угроза появлений в наших водах японских миноносцев.

Чтобы ответить на эти вопросы, следует сделать экскурс в историю. Подходы к устью Амура стиснуты мелководными лайдами, среди которых мощное течение пробивает каналы, периодически меняющие свои очертания за счет отложения песка и ила. Подобные процессы временами очень огорчают гидрографов и судоводителей.

Вкусив недолгую радость по поводу присоединения к обширным просторам отечества мощной реки, давшей долгожданный выход в Тихий океан, моряки столкнулись с неожиданным явлением. Шедшая летом 1864 года из Николаевска в Аян винтовая канонерская лодка «Морж» никак не могла определить ось фарватера, блуждая от одной глубокой заводи к другой. На основании этого неприятного случая гидрографическая часть Управления портов Восточного океана сделала вывод, что северный фарватер вступил в фазу бурного процесса, могущего существенно повлиять на глубины и направление, что позже и случилось. Контр-адмирал П.В. Казакевич, участвовавший в первых исследованиях лимана, согласился с доводами гидрографов и запретил до лучших времен пользоваться неустойчивым фарватером.

Шли годы. В конце XIX века появилось Управление водных путей, энергичные и предприимчивые сотрудники которого в 1903 году провели широкие исследования в северной части Амурского лимана и доказали, что из Охотского моря в Николаевск могут проходить океанские суда.

Перспектива использования возрожденного фарватера без отгрузки у бара была настолько заманчива, что сам начальник Отдельной съемки Восточного океана полковник М. Е. Жданко приехал удостовериться в этом. Амурские путейцы не упустили случая блеснуть своим мастерством. Транспорт «Камчадал», на котором прибыли военные моряки из Владивостока, свободно прошел по малой воде в Охотское море, причем провел его по всей дистанции лучший капитан путейского парохода Гамалей Борис.

Что касается военных лоцманов, то их просто не успели обучить. Общеизвестно, что русские люди предпочитают неторопливый образ жизни. Снисходительное отношение к профессиональной подготовке лоцманской команды

отрицательно сказалось уже в первый месяц военной навигации, о чем откровенно высказался лоцмейстер.

Когда я перечитывал в гостинице добытые материалы, меня неожиданно озарило: лейтенант Чепелев потому устранился от проводки, что в Николаевске был кто-то, очень хорошо знающий фарватер Невельского. Но кто же этот моряк, блеснувший искусством лоцманской проводки? Как найти его следы? Хотелось верить, что нужные документы найдутся в Центральном историческом архиве, расположенном в огромном красивом доме на Набережной Красного Флота.

Прокатившись с ветерком в лучшем в мире метро, выхожу на станции «Гостинный двор». Не без удовольствия фланирую по суетному Невскому проспекту, затем по Мойке до Дворцовой площади (это мой обычный маршрут к источнику истории), но сегодня иду дальше. Пересекаю площадь, Дворцовый мост остался справа, впереди на лихом коне гарцует Медный всадник. Грудную клетку распирает гордыня – куда попал! Сегодня на Неве не видно интересных кораблей, и я с удовольствием рассматриваю старинные здания. А вот и широкое крыльцо со львами...

Меня приняла заведующая читальным залом – молодая женщина в парике. Доверительным тоном она говорит, что специального фонда по Николаевску пока в архиве нет, но она распорядится и для меня найдут нужные документы, откуда можно будет взять редкие сведения. Хозяйка зала делает в календаре отметку и предлагает зайти в конце недели.

Прошло несколько томительных дней в ожидании чуда. Сереньким северным утром предо мной кладут тоненькую, выцветшую от времени книжечку. Листаю. Боже мой, да ведь это Отчет генерала А.А. Березовского, начальника Управления Водных путей Амурского бассейна! Впиваюсь глазами в долгожданный текст. Не совсем складно, но вполне ладно уважаемый Антон Антонович излагает обстоятельства дела, которым болею много лет.

«22 июня пришел с моря германский пароход «Бианка», имевший груз, адресованный николаевской фирме Небеля, – писал генерал. – Будучи не в состоянии пройти в реку необставленным фарватером Невельского, капитан парохода сообщил об этом своей фирме, которая уже и обратилась в Амурское водное управление с просьбой оказать содействие. К «Бианке», стоящей на якоре на Северном рейде, немедленно был послан шкипер Гамалей, работавший на промерах северного фарватера в 1902 и 1903 годах.

Шкипер Гамалей беспрепятственно ввел в реку пароход «Бианка» с осадкой в 16 футов – первый случай прохода в Амур судов с такой глубокой осадкой», – с удовлетворением подвел итог генерал.

Подвиг молодого лоцмана «Бианки» был достойно оценен. 31 июля 1905 года Командующий войсками Приамурского военного округа известил войска и население края, что «шкипер дальнего плавания, потомственный дворянин Гамалей Борис» награжден орденом святой Анны третьей степени.

Борис Викторович Гамалей (1878-1942) погиб в результате взрыва фашистской бомбы во время обороны города Севастополя, но «седой Амур не забыл лоцмана "Бианки"».

Григорий РЕЙНГОЛЬД,
г. Иркутск.

Весеннее СОЛНЫШКО

Это было давно, лет двадцать назад. Я и мой друг, студенты-математики, зашли в художественный музей, где бывали часто и где бывать любили. Наш город по праву может гордиться своим художественным музеем...

Ещё в одно из прошлых посещений музея мы обратили внимание на одну картину. Художник Владимир Николаевич Гаврилов, «Весеннее солнышко». Написана, как нам казалось, довольно небрежно. Февраль-март. Дом. Скамейка в снегу. Очень большое солнце, нарисованное совсем «по-детски», с лучами, притом каким-то неестественным цветом. После классики девятнадцатого века казалось, что «Весеннее солнышко» написано неумелой рукой. И мы с другом решили написать своё мнение в книгу отзывов.

«Эта картина написана или маленьким ребёнком, или пьяным человеком, на ней не видно весны!.. Не бывает в жизни такого солнца, оно совсем не такое на самом деле!..»

Прошло немного времени. Как-то в конце февраля я шёл по улице. Уже понемногу начинал таять снег, на крышах висели сосульки, в общем, приближалась весна. Я завернул за угол дома, вышел из тени, и вдруг мне открылось солнце. Весеннее солнышко! От невыносимо яркого света я на мгновение зажмурил глаза, а когда открыл, взору моему предстала нереальная картина. Снег, отражая солнечные лучи, слепил глаза. Слепил до слёз. Слезы, как линзы, преломляли свет. От этого все линии искривились, и ровные стены домов казались кривыми, будто нарисованными неумелой детской рукой. Слеплённые глаза, воспринимали цвета совсем не такими, как были на самом деле! Глаза, защищаясь от весеннего солнышка, сами собой прищуривались, и через ресницы казалось, что видны солнечные лучи, как их рисуют маленькие дети...

Я живо представил себе, как художник Гаврилов, увидев подобную картину, перенёс её на холст. Как здорово это у него получилось!..

В очередное посещение музея я с нетерпением ожидал встречу с «Весенним солнышком». Но в нужном зале меня ждало разочарование. Картины не было. Её сняли. Сыграла роль наша запись в книге отзывов, или это просто совпадение?..

Прошло лет двадцать, а я до сих пор жалею об этой картине, стыжусь за себя, глупого и самоуверенного. Непостижимы многие вещи для молодых верхоглядов, которые уверены, что всё знают. А всё знают только дураки.

Амурский дневник

Сергей ЮДИНЦЕВ,
г. Владивосток.
Фото автора.

К 195-летию Г.И. Невельского

Продолжение. Начало в № 2

МЕДВЕЖИЙ УГОЛ Красная рыба

Тема рыбалки давно стала конъюнктурной. На ней «спекулируют» браконьеры, рыбнадзоры, средства массовой информации и... немощные старики, которые помнят (особенно переселенцы и ссыльные) рыбное изобилие в нерестовых речках и горных ключах. В этих краях, ни для кого не секрет, что рыбу семейства осетровых ловят без разрешения на то соответствующих органов да, как здесь выражаются, «порют икру» (правильно – пороть рыбу), тоннами сбывая за пределы района. Сколько уже копий сломано на тему незаконного лова, но воз и ныне там. Я беседовал с так называемыми браконьерами. Они не с луны свалились. Они родились и выросли здесь, на Амгуни, пустили корни и являются продолжателями своих родов. Их знаю по школе, футбольным баталиям, районным фестивалям молодёжи, музыкальным вечерам, наконец, по совместной рыбалке. Иных уже нет на белом свете, но другие живут в бесконечных проблемах, ежедневно думая о том, чем засеять свой огород, а потом убрать урожай, заготовить на зиму дров, накормить детей, «перетерпеть» болезни, которые лечат только в Николаевске-на-Амуре или Хабаровске. Дорога туда и обратно слизывает личные сбережения граждан, словно корова языком. Прибавим сюда расходы на бензин, запчасти на мотоцикл, лодочный мотор, мотопилу и другую технику, без которой на селе хоть волком вой, – то многое, очень многое поймешь. Эти добытки на речке пропадают неделями, а затем с морозами уходят в тайгу на охоту. Задаю вопрос: «Мужики, как быть?» Ответ один: «Мы могли бы район завалить солёной, копчёной, мороженой и другой рыбой, но вынуждены потрошить икру, а рыбу выбрасывать в речку». Они вопят от бесхозяйственности! Для них непонятно, почему государство не решится поставить 2-3 линии консервного завода вблизи нерестовых рек, куда можно было бы этому «браконьеру» сдавать рыбные дары Амгуни. Весь мир живет по марксистской схеме: товар – деньги – товар. У нас же зачастую товар меняется на товар, когда корабельщики принимают икру в обмен на «золотую» соль. Она спаситель. Не посолил икру и рыбу – вся работа насмарку – выбрасывай.

Ветераны вспоминают 50-е годы прошлого столетия. Как-то чаёвничал с пенсионерами Фёдоровыми, Бехтеревыми, Куйдиными и разговаривали о давно ушедшем. Оказывается, все прииски снабжались тогда рыбными консервами амурского производства. Богатый Тырский колхоз выдавал на-гора тонны рыбы. Её обрабатывали

и закатывали в банки. Даже щука была баночного производства. Что теперь? Рыболовецкий колхоз приказал долго жить. Оборудование брошено, а от завода остались рожки да ножки. Говорил об этом и с молодыми людьми. Есть понимание, но большинство относится к решению проблемы скептически, мол, не те времена. И речка русло поменяла, и экология не та, и рыба фенольная. Все так, да не так. Да, поднимается вверх по Амуру фенольная рыба, но люди у нас опытные, не лыком шиты, пойманную рыбу пробуют на запах. Так что на мякине их не проведешь.

А проблему с браконьерством решить можно только изобилием. Будет рыбное производство – будет законный сбыт, исчезнут горы брошенной по дорогам и косам красной рыбы, появится консервированная икра и другие деликатесы. Нужно только с умом похозяйничать. Не нужно забывать, что никто не отменял детских садов и школ, куда вполне на каких-то условиях можно сдавать рыбную продукцию.

Была в свое время в Оглонгах молочно-товарная ферма. Сегодня от коровника остался только бетонный фундамент. Тут предвижу возражение, размечтался-де, район-то у нас вымирающий. Остались дети да старики. Возражу. Молодежи хватает. Если мы в юности по улицам ходили с гитарами, то теперь парни не ходят – они летают на машинах и мотоциклах по дорогам района. От горшка три вершка, а уже восседает за рулем мотоцикла 12-13-летний подросток. В таком возрасте двигаться нужно как можно больше, а не пытаться изображать взрослого супермена. Это успеется, всему свой час...

Физкультура и спорт

Вот тут стало мне грустно. Как писал поэт: «Печально я гляжу на наше поколение». Грустно не оттого, что на дворе осень. Пустует в селе Херпучи футбольное поле. Какие там проходили баталии! Принципиальные встречи баскетболистов сёл Оглонги и Херпучи достигали высшей точки кипения и в спортзале. Я мальчишкой всегда болел за наших – оглонгинских. Н. Шерстнёв, А. Шемелин, Ю. Селин, В. Попков, В. Накашидзе, В. Грибов и другие спортсмены запомнились на всю жизнь. Когда снег засыпал центральный ключ, молодежь устанавливала деревянные ворота – и начинался футбол на снегу. Помню большого любителя спортивных игр (добрейшего человека) дядю Петю Игреева. Он работал на электростанции и единственный в нашем селе выписывал еженедельник «Футбол – хоккей». Я брал у него подшивку и читал запоем. Знал все футбольные новости в стране и мире. Спасибо ему (увы, ныне покойному) за

Здесь недавно была пристань

уроки спортивной статистики. Он всегда интересовался, как там у нас идет соперничество с херпучинцами. И мы говорили: «Победили, дядя Петя!» – «Молодцы!» – хвалил он нас, радостно улыбаясь.

Был и другой человек – Андрей Исаевич Грибанов, ветеран Великой Отечественной войны, получивший ранение в руку и любивший физкультуру просто фанатично. Мы дневали и ночевали в школе. В обед дома – кружка молока, ломоть хлеба – и снова в школу, в группу продленного дня, а потом – баскетбол, волейбол, настольный теннис... Андрей Исаевич давал нам «шейной мази», если мы в спортзал (священное место!) приходили в обуви и без формы! Здесь он был строг. Поймает такого нарушителя и шутейно по шее постукивает ребром ладони. Все понимали, что это игра, но через это и к порядку приучались. Да, таких педагогов сейчас, боюсь, днем с огнем не сыскать. Все упражнения он показывал одной, здоровой рукой. В настольный теннис играл; более того, участвовал вместе с учениками в турнирах. Он был примером для подражания. Я бы сказал – идеал. Недаром из оглонгинской восьмилетки вышло немало перворазрядников, и Василий Грибов, и Виталий Попков вообще «бегали» под кандидата в мастера спорта.

Николай Шерстнёв вспоминал еще одного учителя – Митина Григория Константиновича. В 1968 г. зимой он поставил задачу выиграть чемпионат района в многоборье. Дело было на Веселой Горке, и результат: команда, куда входили школьники В. Зайтелло, Н. Шерстнёв, Е. Нестерова, А. Генераленко и другие, в лыжных гонках, баскетболе, настольном теннисе завоевали все кубки и дипломы. Это был триумф не только учеников, но и педагога. Где все это? Кстати, спорт многим пригодился в жизни. В 70-е годы прошлого столетия мой одноклассник В. Поддубный хорошо играл в футбол, хоккей, всегда находился в отличной спортивной форме и пос-

ле школы пошёл в военное училище, где, как известно, физическое воспитание имеет первостепенное значение. Военным стал и К. Голубчанский, хороший лыжник. Все они воспитанники А.И. Грибанова. Н. Рожкова, учась в медицинском институте в Хабаровске, защищала честь института в спортивных батальях. В итоге она стала профессиональным врачом на Камчатке. Отзывы о ней только хорошие.

Вспоминается мне и собственная армейская служба. Не раз и не два на дистанции 10 или 15 км возникал в памяти подтянутый, строгий и требовательный Андрей Исаевич. Его уроки я запомнил, поэтому дистанцию всегда проходил до конца. Если бы не физподготовка, боюсь, что пришлось бы мне в год призыва «отмазываться» от службы, как поступают сейчас некоторые юноши на селе. Жалко мне было смотреть на болтающиеся «мешки» (бойцы 1-го года службы), которые не могли ни одного раза подтянуться на перекладине. Они не виноваты. У них не было такого учителя и тренера, как Андрей Исаевич. Говорят, что он доживает свой век где-то в селе Богородское. И спасибо ему огромное от огромной армии его учеников!

Школа

Она стоит в селе до сих пор. Длинный светлый коридор, вид на озеро из окон, котельная, небольшой стадион, построенный подшефными из ДЭС, которую возглавлял тогда Николай Шакирович Ширеев, и крутая сопка, меняющая цвет в разное время года. Всё на месте. Слава Богу! Для школы лучшего местоположения не придумаешь. Детей вот только мало в храме науки. Учителя сетуют на то, что рождаемость на нуле. Увы, рожать современные мадонны боятся. Их можно понять – пугает социальная нестабильность.

Они готовы рожать и по двое, и по трое ребятишек, но как поднимать их? Вопрос со многими неизвестными. Мужья, кто может, устраиваются в старательские артели, кто-то не выходит из тайги – на промысле, а кто-то вынужден «пороть икру». Но все это временное, зыбкое, как песок, без конкретного будущего. Молодые мамы, как чёрт ладана, боятся беременности. Сидят в

Тихие воды Амгуни

сёлах готовые специалисты с дипломами бухгалтеров, экономистов, инженеров на попечении мужа-старателя. Если повезет – устраиваются поварами, нянечками в детсад, уборщицами. Пошли они в свое время, когда создавались кооперативы, по ложному пути – требовались тогда бухгалтеры, вот и казалось, что это самая ходовая профессия. Но что толку в бухгалтерии, если нет предприятий, нет доходной и расходной части? Думать над этим вопросом нужно и думать серьезно. И решать его нужно всем миром.

А школа свою функцию – дать знания – выполняла всегда качественно. Если вернуться лет на 15-20 назад, то многие выпускники нашей восьмилетки помянут добрым словом учителя русского языка и литературы Нину Николаевну Тарасенко, учителя труда Василия Ивановича Яковлева, ветерана войны, научившего работать на токарном станке не одно поколение школьников. Он же преподавал и рисование, и черчение. Этих учителей нет в живых, но они незабываемы. Ирина Георгиевна Данковцева, стройная, обаятельная, похожая тогда на девочку-дюймовочку, в молодые годы учила нас не только литературе, но и организовывала художественную самодеятельность, хорошо пела сама и декламировала стихи советских, русских поэтов. Не совру, если скажу, что именно она научила любить литературу и ещё заставляла жить по Маяковскому: «Гореть! И никаких гвоздей! Вот мой девиз и солнца!» И вот уже не первый год Ирина Георгиевна больна. Трудно поверить, что у этой энергичной некогда женщины нелады с ногами...

Старость понятие относительное. Она может прийти и в 20, и в 30 лет. Но помнится только тот период, когда наши учителя были молодыми и красивыми, ведь именно с них мы брали пример.

Встретил как-то учителя истории Анну Михайловну

Верховых, и тут же в памяти – жизнерадостный человек и тема урока «Кружок Петрашевского». Я тогда «плавал» у доски и нес какую-то околесицу про «дым ковромислом». Класс хохотал. Но Анна Михайловна меня не останавливала, а в тон с настроением класса смеялась про себя, хотя внешне выглядела строгой. Отрицательную оценку Анна Михайловна ставить не стала, а я пришел домой и тему о петрашевцах выучил. И хотя больше не отвечал

на последующих уроках истории, Петрашевского помню по сию пору. Благодаря учителю истории.

Подобных эпизодов было в детстве множество. Они возникали и на уроках биологии, которые вела добрейшей души человек Антонина Ильинична Казакова, и немецкого языка, учила которому Людмила Михайловна Воробьева, и многих других. Всем низкий поклон и благодарность за науку. Оглонгинской школе есть кем гордиться. Из её стен вышли будущие военные, милиционеры, врачи, учителя, инженеры, моряки. Александр Винников стал главой администрации г. Биробиджана. Его брат Павел известен в Хабаровском крае как практикующий врач. Наталья Рожкова – уважаемый на Камчатке хирург. Александр Урванцев – автор двух поэтических книг. Альберт Гореев – полковник МВД России, живёт в Москве. Ваш покорный слуга во многом обязан своим литературным начинанием учителям русского языка и литературы И. Г. Донковцевой и Н. Н. Тарасенко. Первые стихи мои читала Нина Николаевна, а первый рассказ «Шатун» – Ирина Георгиевна. Они очень осторожно правили мои «вирши», чтобы не спугнуть птицу удач. И слова Нины Николаевны о том, что «талант нельзя купить на базаре, он либо есть, либо нет – третьего не дано», я ношу в подкорковом слое мозжечка всегда. Только добавлю: талант талантом, но без труда и талант можно потерять. Тут еще и «душа обязана трудиться, и день и ночь, и день и ночь», как подметил поэт.

Возможно, я кого-то не назвал, запомнил. Пусть простят меня эти люди и поправят. За это я им буду только благодарен, потому что история пишется каждый день, каждый час, каждую минуту.

Окончание следует.

Все жизни для Бога пророчеств дороже...

Анна ПЕТРОВА,
г. Калгари, Канада.

Значит...

Значит, пора обернуться
на голос?
Голос, который был слышен
сквозь ветер.
Ветер подул –
и душа раскололась,
осколками рая
всех грешных на свете
и светом кровавой зари
на востоке
истоки чистой реки
переполнив,
исполнив тем самым
заветы пророка
про рок человеческий...
Горькие волны
в лоно земли не допустят
ни семя,
ни смены отжившему семени
внове.
И вновь будут стоны и горе,
а время,
не веря в себя,
вдруг замрет наготове,
готовя всему новый ритм
и движенье,
сближение звезд
и галактик круженье...
Уже переполнены воды, но все же –
все жизни для Бога
пророчеств дороже.

Значит,
пора обернуться на голос.

Памяти отца

Знаешь, папа, а я все помню:
снег, искрящийся в январе,
как у дома коньки готовлю,
чтоб кататься на них во дворе.

Их под ёлку вчера положил мне
Дед Мороз. Ты еще сказал,
что мечтал о таких полжизни,
в детстве давнем себе заказав...

Я тебе их надеть пыталась.
Ты смеялся: «Напутал Дед!».
А когда во дворе каталась,
от Снегурки принес привет –

шёл от жостовского подноса
с ароматных оладушек пар...
У меня не возникло вопроса,
от Снегурочки ли тот дар.

Брат румяный пришел на лыжах:
«Ух! Как хочется, папка, есть!»
От оладушек желто-рыжих
лишь осталась
вся в масле жуть.

Счастье в жизни не ждет ответа
на вопрос. Яркий миг! Конеч...
Только в сердце волшебным
светом –
мама, бабушка и отец...

Детства милого радости помня,
листья вырву в календаре.
По душе моей острые комья
снега белого в январе...

Время

Отложу я кросны,
Подойду к окну.
В бесконечность росную
Очи окуну.
Там за лесом брезжится
Даль, лугов полна,
А на небе нежится
Бледная луна.
Принесет мне пташка
Первая привет.
У крыльца ромашки
Смотрят на рассвет.
Так душе покойно -
Жить бы так и жить,
Но ручей нестройно
По камням бежит.
Нет уже рассвета.
Знойный полдень уж,
И спешит за летом
Время лютых стуж.
К этому готова,
Растоплю я печь.
В руки кросны снова
Под мерцанье свеч
Я возьму.
И вспомнится
Ласковая даль.
И душа наполнится.
И уйдет печаль.

Город

Огромный город, где башни месяца
Закрыли массой бетонной глухо.
Что в этом грохоте
чувства весят?
И птичье пенье коснется ль
слуха?
В нем женщин потных
в коротких юбках
Вихлянье бедер...
А в душах – пусто.
Мужчин усталых слова и руки.
Но безразличие во взглядах
грустных.

И ночь стянула цепями света
Весь город душный,
пропахший гнилью.
А где-то воздух...
И ветер где-то...
И небо, полное звездной пылью...

Птичка в клетке

Клетку птичью накрыли пледом:
«Спи, певунья,
пришла к нам ночь».
Будет тот, кому ритм неведом,
В ступе воду с утра толочь.

Чтоб улучшить
свой быт житейский
И жену подсветить местами,
Будет спину он гнуть лакейски
Перед мысленно созданным раем.

А когда ночь раскроет зонтик,
Весь расшитый
серебряной нитью,
Спросит он, зевнув до икоты:
«Баламуты, чего не спите?».

Будет птичка
возиться в клетке.
В теплом мраке
скрестись ненужно.
Привыкайте спать ночью,
детки,
Чтобы утром пойти на службу...

Ожидание

Евгения БАКАРЮКИНА,
с. Ромны Амурской области.

Евгения Александровна родилась в удивительно красивом месте – в небольшом селе Ромны Амурской области, где и живёт. Закончила Благовещенский государственный педагогический университет. Десять лет отдала школе, сейчас – муниципальная служащая. Стихи пишет с 13 лет.

Всё проходит

Всё пройдёт, любимый,
всё проходит:
И тоска, и страх, и боль потерь,
Знаешь, даже молодость уходит.
Жаль, что не сегодня, не теперь.
Всё ещё покроется туманом,
Серой шалью ляжет по плечам,
Лишь любовь нам
поздно или рано
Станет часто снится
по ночам.

Лишь она, ненужная когда-то,
Отзовётся, милый мой, в веках.
В дом войдёт,
сугулясь угловато,
Сединою вспыхнет на висках.

«Я пришла», –
вздохнёт и сядет тихо,
Неприметно, скромно у стола.
Спросит строго:
«Что же ты, трусиха,
Что ж ты без него не умерла?»

* * *

Душу – в ключья!
Ну что же ты, милый?
Зябко кутаю плечи в пальто.
Злоба волчья. Повыла. Простила.
Только мне непонятно: за что?

Объясни: за мечту? за заботу?
За любовь, что ножом по судьбе?
Что обыденно, как на работу,
Каждый день торопилась к тебе?

За короткие страстные ночи?
Что жалела, родной, берегла?
Что прожить без тебя,
между прочим,
Не трёх дней –
трёх часов не могла?

Порыдаю. И больше не буду.
Чёрных мыслей кружит вороньё.
Я забуду, конечно, забуду.
Даже терпкое имя твоё.

Ожидание

Не дождалась.
Звонил: опять дела.
Густеет ночь,
и подмерзают лужи.
Ты занят – я не злюсь, я поняла.
Кто виноват,
что ты мне очень нужен?
Чужая жизнь, холодная кровать.
Не спится в этом доме
опустелом.
Любимый,
как хотелось бы мне стать
Твоим единственным
и неотложным делом.

* * *

Кто придумал,
что любовь не умирает.
Умирает.
Сходит тенью от свечей.
Больно, трудно,
очень долго угасает
В дымном воздухе
обманутых ночей.

Оттоскует, отболеет,
отстрадает,
Тройкой бубен успокоится душа.
Всё простит, всё отжалеет,
отрыдает
И поймёт:
жизнь даже в горе хороша!

И когда-нибудь
взорвётся чувством новым
И пожаром трёхметровым
полянёт.

Затрепещет
на руках листом кленовым.
Возродится.
Возгорится. Оживёт.

* * *

Жалость в наше время
не в чести,
На повестке –
собранность и сила.

Я несовременная, прости,
Нецивилизованно любила.

Без расчёта, без журнальных игр,
Неразумно, без импровизаций,
Не плела продуманных интриг,
Чтоб умней и лучше
всех казаться.

По-простому, нежно и тепло,
Отдавая мысли, душу, тело.
Жалостью от сердца от всего
Я тебя обидеть не хотела.

Сильный, гордый,
будто из брони...
Не о том тебе, родной,
мечталось.
Не смогла. Бывает. Извини.
Не в почёте
в наше время жалость.

Колыбельная

Спи, мой хороший, мой родной,
Ничем я сон твой не нарушу.
Занозой врезался стальной
В уже надтреснутую душу.

Такую правильную жизнь
За полчаса дотла, в руины...
Спи, милый мой, и мне приснишь
В час предраассветный,
зябкий, синий.

Ресницы дрогнули во сне,
Ты непривычно тихий, кроткий,
И оттого родней вдвойне.
Вот счастье! Миг.
Совсем короткий...

Саднит от нежности в груди,
Душе в привычном теле тесно,
Я знаю, то, что впереди,
Уже давным-давно известно.

Отступит май. Дожди пройдут.
Весь мир останется на месте.
Лишь нам остаться не дадут,
Мы никогда не будем вместе.

Сценарий ЖИЗНИ

Иван ШЕПЕТА,
г. Владивосток.

СЦЕНАРИЙ ЖИЗНИ

Октава октав

1.

В далеком детстве
я блуждал Колумбом
По огородам, парникам
и клумбам
И познавал,
на что способен лишь
Без логики блуждающий малыш,
Загадку роста, а потом –
цветенья.
Язык имело всякое растение,
И каждый лепетавший лепесток
Внушал любви
божественный восторг.

2.

Я наблюдал
в тени прибрежной рыбу,
Чье тело по малейшему изгибу
Перемещалось
по течению вверх...
Я жил отдельной жизнью
ото всех.
Мне взрослых мир
был меньше интересен,
Не понимал я
их застольных песен,
А междометий пьяный матерок
Я слышать вообще тогда не мог.

3.

Под крышей
у торчащего стропила
Гнездо из глины
ласточка лепила.
К июлю неокрепшие птенцы
Летели в парники на огурцы.
Им не хватало силы для полета,
И начиналась у котов охота.
Я палкой гнал котов из огурцов
И плакал, защищая тех птенцов.

4.

Когда краснели клены у ограды
И так игре
мальчишки были рады,
Я, отрешенно листья вороша,

Уже подозревал, что есть душа,
Растущая, как ствол,
листву меняя,
И твердо знал,
что жизнь моя земная –
Не все, что есть,
что весь я не умру,
Что в эту жизнь
я прежде вел игру.

5.

А как бы помню,
жизни был сценарий,
И перед тем, как быть,
его сыграли.
Там было хорошо.
Здесь роль свою
В спектакле жизни я не узнаю.
Лишь в раннем детстве
было все по роли.
Потом меня безнравственно
поролы,
И, видимо,
в программе вышел сбой.
С тех пор я не в ладу
с самим собой!

6.

Когда в своих поступках
ты не волен,
То жизнью этой чаще недоволен.
А был ли счастлив эти я года? –
Скорее, «нет...», чем,
сомневаясь, «да!»
Совру ли я, не грянуть
в небе грому,
Но коль о том же спросишь
по-другому:
А был ли я любим? –
То мой ответ,
Скорее, «да...», чем,
сомневаясь, «нет!»

7.

Сценарий я забыл,
следы запутал,
Не расплатился
по последним ссудам,
Хотел, как лучше,
а потом вспылил:

Дом не построил, дерево спилил.
А сын растет,
хотя и нет контакта.
Жизнь происходит,
но случайно как-то,
И шаг широк, и всюду – не туда...
С чем я приду
в день Страшного Суда?

8.

Чем старше становлюсь,
тем чаще детство
Я вспоминаю,
как священнодействие:
Кусты, деревья, травы и цветы –
Я с ними, как с друзьями,
был на «ты»!
На сцене быть недолго
мне осталось,
Хотел бы отыграть
достойно старость,
Последнюю воздавши телу
честь,
Сценарий жизни
снова перечесть.

В ОТЕЛЕ

«ШЕРАТОН»

Продрав глаза
в отеле «Шератон»,
я был смущён
увиденным вначале:
как VIP-персоне
мне со всех сторон
в полупоклоне головой качали.

В России так не рады мне нигде,
в каком бы я ни шествовал
параде,
улыбки там кругами по воде
не расходились
в утренней прохладе.

По мрачной озабоченности лиц,
как шурился,
примериваясь к чаю,
в любой из самых дальних
заграниц
сограждан я невольно отличаю.

Любовь – капризная особа...

Валентина ГАЛЮТИНА,
с. Константиновка,
Приморский край.

* * *

Нет, не надо, не позируй.
Ведь любовь не спортлото.
На машину и квартиру
Не позарюсь ни за что.
Ты не выигрыш козырный
И не самый главный приз.
Что же ты такой настырный,
Или хитрый, словно лис?
Быть собою постарайся,
У тебя так много лиц.
Но ведь ты, как ни скрывайся,
Из породы хищных птиц.
Я ведь тоже не овечка,
Что б ты мне ни говорил...
Просто ты моё сердечко
Ну ничем не зацепил.

* * *

К чему мне твои заморочки,
Мне так хорошо быть одной.
Вчера мы поставили точку –
Сегодня пришёл ты за мной.
Ты хочешь, чтоб шла по этапу.
Расписано всё на двоих.
Я с неба спускаюсь по трапу
На землю метелей седых.
Багаж за спиною нехитрый.
Но плечи не давит, не жмёт...
А в небе останутся титры,
Где вписано имя моё.

* * *

Ты хитришь, чтобы остаться.
Кофе – только лишь предлог.
Но откуда чувству взяться
За такой короткий срок?
Или веришь в озаренье –
Первый взгляд, второй визит.
А меня гнетут сомненья,
И вопрос любви закрыт.
Это в двадцать лет всё ясно –
Сразу в омут с головой,
Когда всё вокруг прекрасно,
Даже стылою зимой.
Седина тебя не старит...
Знаю, трудно одному.
Всё... А кофе мама сварит,
На ночь кофе ни к чему.

* * *

Не душат слёзы по ночам.
И поутихла в сердце злоба.
Любовь – капризная особа
И, видно, мне не по зубам.
В случайной встрече –
с неба гром
Я не услышу...
Всё отлично.
Чтоб не задеть тебя плечом,
Лишь расстоянье увеличу.
Переходя на тротуар,
Тебя я взглядом не касаюсь.
А разгоревшийся пожар
Я потушу...
Я постараюсь.

* * *

Я взрывная, словно порох,
Я сама живьём сгорю.
И во всех нелепых ссорах
Столько слов наговорю!
Я удав! Но ты не кролик,
Ты не так-то, милый, прост.
Не хватает силы воли
Соблюдать словесный пост.
Ты долги отдашь охотно,
Хладнокровно. Через год.
Основательно и плотно
Ты укладываешь гнёт.
Я уже почти забуду,
Ты мне память освежишь...
Ну какой же ты зануда,
Если столько зла хранишь!

Осень

Льётся золото с небес
На кровавый куст калины.
Заиграл осенний лес
Танго страстной Аргентины.
Как читается узор
Танцевальных композиций!
Почему в душе минор
И дрожат твои ресницы?
Догораешь, как свеча...
Так, наверно, перед казнью
Смотрит узник с неприязнью
На седого палача.

* * *

А ты ушла не по-английски,
Ты прогремела колесницей.
А ведь была такую киской.
Теперь я знаю, ты – тигрица.
Нет, ты была подобно мухе,
Так надоедливо жужжащей...
Ты приползёшь ко мне на брюхе,
И будешь ты гораздо слаще.
Проходит год... Какая жалость,
Твои следы дождём размыты.
Не все Америки открыты...
Видать, ты где-то задержалась.

* * *

Я не чувствую боли
С тобою при встрече.
Значит, вольная воля.
И нет увечий.
Были шрамы в душе,
Да исчезли бесследно,
Хоть танцуй на ноже,
Распевая победно.
А ведь ненависть жгла
Раскалённым железом,
Я так долго была
Под прицелом обреза.
Нет ни страха, ни слёз...
Я поплакала вволю.
Ни в жару, ни в мороз –
Я не чувствую боли.

* * *

Как доиграть свои роли
в спектакле?
Жизнь – это сцена, а сцена – кураж.
Мне бы заплакать, да слёзы иссякли,
Счастье так призрачно –
словно мираж.
Я не отчаялась, было бы странно
Выть на луну,
будто загнанный зверь.
Я ведь влюблялась всегда,
постоянно,
Что же со мною случилось теперь?
Господи, что же? Возьми себя в руки.
Волю в кулак. И забудь обо всём.
Как избежать одиночества скуки,
Выстроить счастье
на месте пустом?

Другим светить...

Мargarита КАЛЯКИНА,
г. Пучеж.

* * *

Мой конь буланный в белых яблочках
По полю снежному бежит.
Летят за ним резные саночки,
Снежок навстречу порошит.

Полозья снега чуть касаются,
Сугробы, точно облака.
Спешу к тебе, моя красавица,
Ответа жду наверняка.

Ты только дай своё согласие,
Покончу с жизнью холостой.
И ветер кудри твои ласково
Завьёт струящейся фатой.

Чуть серебрят виски порошею.
Мерцают звёздочки дрожат.
И лишь одной тебе, пригожая,
Моя судьба принадлежит.

Вороньё

В чернолесье стая воронов
Чёрной тучей с песней дикою
Со своим кровавым норовом
Над вороной белой гикают.

Граи подняли злые вороны,
Что вороны всюду серые:
«Только ты одна с короною
И с какой-то стати – белая!»

С вороньём вороны серые
Вместе в стаи собираются.
Лишь одна ворона белая
Никому из них не нравится.

Суд вершили над вороною,
Позабыв закон приличия,
И летели во все стороны
Перья белого отличия.

Потеряв всё оперение,
Камнем падала бедняжка вниз,
А вороны – те, что серые,
Из-за перьев в драку ринулись.

И оставив птицу белую
(Стае серой нет и горюшка),
В драке так себя разделали,
Из-за беленького пёрышка.

И трофеи белоснежные
Примеряют... Так уж водится.
Все исклёваны, истерзаны
Грязно-серые разбойницы.

Бабье лето

/Песня/

Ах, как короток этот
Сполох бабьего лета.
Только осень торопит свой срок.
Задержись ещё где-то,
Вопреки всем приметам,
Стороной обойди мой порог.

Ветер бурный полощет
Кудри рыжие рощи.
А в садах тяжелеют плоды.
И красавица-ива
Наклонилась стыдливо
Над закатным румянцем воды.

Травы тихо вздыхают,
Но цветы полыхают –
Не успели пока отцвести.
Далеко до ненастья,
Звёзды падают к счастью,
Счастье может ещё навестить.

Не теряю надежды,
Будет ярче, чем прежде,
Поздней радуги
вспыхнувший цвет.

Ах, как короток этот
Сполох бабьего лета,
Уходящего лета привет.

Сонеты

О том, чем я живу и чем дышу,
Как исповеди, вновь стихи пишу.
В чём смысл жизни,
радость бытия?
Давно распутала те нити я.

Всю жизнь, чтоб быть
носителем огня,
Другим светить
и самому не тлеть,
Работать так,
чтоб не коснулась плеть
И чтоб тебя никто не подгонял.

Ты сам себе оценщик и судья.
Навешиваешь сам себе ярлык.
По совести, по чести
жить привык,
В пучине жизни мчит тебя ладья.

К спасительной юдоли берегам,
Где пенье птиц
и звонкий детский гам.

* * *

Туда, где пенье птиц
и детский гам,
Спешить без всяких виз
и телеграмм,

Где, горьковатым соком налитые,
Лесной рябины
царственные кисти
Пылают сердоликом чистым
И янтарями золотыми.

Туда, где добродушный лай собак
И переклик горластых петухов,
Где дед, чихая, нюхал свой табак
На брёвнах средь могучих
лопухов.

Шёл разговор фротовиков
степенно.
Из-под горячих пил и топоров,
Кудрей смолистых стружек
белопенных
Рос ряд домов добротных,
пятистенных.

* * *

...Всё чаще, чаще
тянет к тем местам,
Где щебетало и смеялось
детство,
Где не осталось ничего
в наследство.
Лишь память заблудилась
где-то там.

И вопрошает мой рассудок
трезвый.
Сама себя пытаюсь утешать:
Куда я рвусь?
Куда, зачем бежать?
Нередки были в жизни переезды...

В каком краю?
В которой части света
Мой детства дом и улицы мои?
Секреты отрочество
где хранит?
И некому послать свои приветы.

Наверно, в том и времени
приметы,
Что жизнь, увы,
на месте не стоит.

Танец лунного света

Юлия ПАНКРАТОВА,
г. Мантурово
Костромской области.

Я и дождь

Я и дождь продрогший и осенний:
Двое сумасшедших

утром ранним,

Мы в себе нашли своё спасенье,
В городах и мыслях

самых странных,

Мы стоим, обнявшись, на дороге,
Каплями и пальцами сливаясь,
И стекает тучами под ноги
Небо, в лужи серые сжимаясь.

Я и дождь...

И бросит взгляд прохожий:

Двое одинокие душою
Отразились, стали так похожи,
Плачут ли, смеются эти двое?..
На губах, ресницах моих капли
И пьянит свобода тихим чудом:
Будешь снова ждать меня,
не так ли?

Завтра снова зонтик я забуду...

Танец лунного света

Я танцую в ночи
Танец лунного света,
Ты за мною – след в след,
Ты за мною на край,
И волшебнo звучит,
В глубине моей где-то,
Расплескавшийся свет,
Растревоженный Рай.

Я танцую, кружась,
И движения тела
Обнажают уже
Неприкрытую страсть,
И, на плечи ложась,
Полуночные тени
Открывают душе
Безграничную власть.

Вот он – край! И назад
Нам не будет возврата:
Ты услышал мой зов,
Ты ступил на мой след,
Но ещё звездопад

Сможет в ночь, как когда-то,
Увести тебя вновь,
Если скажешь мне: «Нет»,
Тысяча ласковых прозвищ

Тысячу прозвищ ласковых,
Спи, я тебе придумая,
Будут ночными сказками
В ночь окружать звезду мою,
Каждое станет нежностью,
Каждое станет радостью,
Утренней тихой свежестью,
Томной полночной сладостью.

Я не коснусь ресницами,
Не потревожу ласками,
Вмиг обратится птицами
Тысяча прозвищ ласковых,
Только лишь встанет солнышко,
И улетят, незримые...
Эй, просыпайся, сонюшка,
Счастье моё любимое!

И танцевали Ангелы

И танцевали Ангелы
При лунном освещении,
Мелодия чуть слышная
Спускалась в тишину.
Дарило небо звездное
Забвеньё и прощенье,
Ласкали руки нежные
Незримую струну.

Атласные, на бархате,
Мерцали светом локоны,
Смешались два дыхания:
Отчаянье и страсть,
Освобождалась бабочка
От тесных нитей кокона,
Стремительно, настойчиво:
Взлететь и не упасть.

И улыбались Ангелы,
И укрывали крыльями,
Прислушивались к шепоту,
Понятному едва.
И двое тихо замерли,
Сплетённые, бессильные,
Венчая ночь улыбками
И вздохом торжества...

Сердце

Порою дышать невозможно,
мучительно-больно,
А я улыбнуться пытаюсь
чужим и своим,
Пульсирует кровью та боль,
называясь любовью,
Так ты навсегда беспокойным
стал сердцем моим.

Ты ближе – ты весело бьёшься,
свой ритм отмеряя,
То в сторону шаг твой,
то вновь мы с тобою близки,
Тебя в себе прячу,
как птицу рукой затворяя,
Тебя отпускаю –
и лёд от дрожащей руки.

Уходишь? Твой след
осень преданно прячет
в туманность,

Но гордость
кричать не позволит, и я не зову,
Спокойно, без стонов и слёз,
принимаю как данность:
Без сердца не дышат,
без сердца совсем не живут.

Калина

Краса–калина радовала взор
Назойливых и робких кавалеров,
Завидовали сплетницы: «Позор!
Ярка излишне,
не назвать примером!
То вся в цвету, то ягоды огнём,
Стройна, изящна!
Нужно быть скромнее!»
Калина же грустила день за днём
О суженом, что был
ей всех милее.

Скрывала слёзы
в броской красоте,
Встречала ветра гнев
поклоном гордым,
И удивлялись неизменно те,
Кто сладость ждал,
А вкус её был горьким.

Солнечные блики

Анна БОНДАРЕВА,
г. Прага, Чехия.

Анна Владимировна выросла и закончила школу в Подмосковном Нахабино. С 2005 года учится в Высшей школе экономики в Праге. Первые строчки рифмовала в 6 лет. Печаталась в «Литклубе», «Озарении», «Пражском графомане», «Поют любовь вам ангелы-поэты», «Когда мы пишем о войне...», газете «Красногорские вести».

* * *

Мой старый двор
в ладошках облепили,
Скрипят качели
ржавчиной колец,
И на окошках солнечные блики
С утра считал
распевшийся скворец.
Газетный лист
под камнем на скамейке
Грустит и ждёт,
чтоб с кем-то поболтать.
А помнишь, здесь, у дуба,
две копейки
Когда-то мы решили закопать?
Забор, конечно,
сильно покосился,
И кот на лавке спит уже не тот,
Сосед наш бывший
сильно изменился,
А вот узнать бы,
как он там живёт?
Подъезд, как прежде,
в веточках сирени,
Задорный смех
играющих ребят...
Мой старый двор,
я встану на колени,
Верни меня на десять лет назад!

* * *

Вирус грусти в душе.
Обострение.
И тревога под дверью
скулящая.
Где же силы найти
да терпение?
Сигарету бы мне –
некурящая.
А зима эта выдалась
тёплая.
Даже воздух –
как в марте
по свежести.
И листва под ногами,
да блёкляя,
а внутри что-то колет...
От нежности!
Сквозь туман и дождливую

сеточку
(где-то в центре Москвы?
На окраине?)
ты стоишь под зонтом
серым в клеточку,
ждёшь меня и скучаешь –
заранее.
А в расстрёпанных веточках
деревца
одиноко дрожит
ветер северный.
Мне до боли мечтается,
верится,
что ты рядом сидишь,
чуть растерянный.

* * *

Я к нему не подходила,
Просто встретились в метро...
Хорошо, что есть перила, -
Не сломала ничего.
Стало больно, стало душно,
Как давления скачок,
И ладошка непослушно
Обронила кошелёк.
Он спешил домой с работы,
Всё такой же... всё родной...
А прохожий кто-то: «Что ты?
Плохо, девочка, с тобой?»
Я боялась – обернётся,
Хоть смотрела со спины.
Вдруг услышит – сердце бьётся
Прошлым запахом весны...
В пыльном поезде у двери,
Мутность стёкол – как стена.
А прохожий мне не верил,
Что я вовсе не больна.

* * *

Я иду по параллели
Под названием друзья, –
Как бы ноги ни хотели,
А свернуть с неё нельзя.
Повороты не забыты –
По стечению примет,
Переходы все закрыты,
На дороге – красный свет.
Улыбаюсь чуть лукаво
И стыдливо прячу взгляд,
Ведь косить ему направо

Светофоры не велят.
Но Амур стрелой последней
Подхватил вдруг мой листок
И с дороженьки соседней
Переправил пару строк:
«Назови меня хорошей
И, конечно же, своей,
Чтоб засыпало порошей
Череду ненастных дней.
Пусть в Москве опять метели,
Что хоть валенки готовь,
Я иду по параллели
Под названием ЛЮБОВЬ».

* * *

Нарисуйте меня
у морского причала,
В синем платье под пояс
длиной до колен,
Чтоб в руках я букет
из тюльпанов держала...
Что хотите, художник,
за это взамен?
Нарисуйте, как море
к ногам будет жаться
Верным псом,
откликаясь на кличку Прибой,
А я буду за бортик
легонько держаться
И кого-то искать,
ждать за новой волной.

Нарисуйте кораблик,
как облако белый,
Где мне с палубы машет
рукой капитан,
Синегазо-родной
и с югов загорелый,
Отдавая приказ:
«На причал! К берегам!»

Нарисуйте меня
у морского причала,
В синем платье под пояс
длиной до колен,
Чтоб в руках из тюльпанов
букет я держала...
Что хотите, художник,
за это взамен?

Птица Шухшухга

Иван ДАРУМОВ,
г. Москва.

Родился в 1972 году в пос. Славянка Приморского края.
Стихи пишет с 15 лет, однако по-настоящему вернулся к ним после 10-летнего перерыва – в 2006 году. Иван Дарумов – творческий псевдоним. Настоящее имя – Денис Базлов.
Член общества дружбы «Россия–Япония» и Приморского фонда культуры.
С марта 2008 года живёт и работает в Москве. Активно выступает со стихами и поэтически-ми моноспектаклями на поэтических площадках столицы и Санкт-Петербурга.
Иван – победитель различных сетевых поэтических конкурсов.

Рубец

Лапы мои...
Лопарёнком свернётся зима...
Полегоньку задую свечу –
освещу Тебе путь...
Поговорили слепые
с глухими глаза и дома...
Катится алая ртуть...

Лалы мои.... Люба мята,
и любя – роса...
Припорошены веки чуть-чуть,
не солгав, почему...
Перелистали страницы,
подувши, уста – и назад...
Тало в хрустальном доме...

Лели мои.... То ли Велес велит,
то ли лань...
Разлиновано, молото лоно...
Но Ты – что чабрец...
Перебрались зеркала,
вздремнувши, да в дрожи стекла –
Лета зудящий рубец...

Птица Шухшухга

Неприкасаемый,
по касательной соскользнув,
Трогаешь губы губами,
стелешь узорный плат.
Два человека грубыми возлежат.
Два, умножаясь, знают,
когда душа
Каждого сверху кличет
свою весну.

До понимания,
до скончания теорем
Думаешь много о смысле сущего,
о своём.
Два человека входят
в горящий дом,
Двум, вычитаясь,
хочется стать дождём
Иль аввакумами
в этом ночном костре.

Над гуттаперчевым,
под венцом, каковых не зрят
В сонных лощинах
и штольнях личные палачи,
Два человека, две как одна свечи,
Не отгорят... –
так вот засветло прокричит
Птица Шухшухга в шаге
от алтаря...

Филин ухнул

Пошла.... Отвыкни.... Сгинь!..
Считай круги...
Душа – чёткой поллой –
не наполнишь...
На тридесятый день,
в глухую полночь –
Вернись, вернись....
И думать не моги...

Зелёный пыл у лета из глазниц
Дави, дави и золотом осыпья
У ног моих сухотой горьких
высей,
Перепелами, вётлами ресниц...

Кленовый огонь падучим –
не под стать:
Упрям, живуч и языком болтает.
А ты вернёшься....
За семью воротами
Уж филин ухнул
с чистого листа...

Императив

В шутках –
По двадцать четыре часа.
Племя догонов догонит тебя,
Если случится,
что вычислишь сам,
Где за ушком лопушком
теребят.

В Суздале
Мёдом слипает глядеть.

Раки вползают в пивные уста.
Невозвращенцам
в пернатую клеть
Не возбраняется более ста.
В Темзе
Вода понавыше бровей.
В Рейне лениво линияет налим.
Волга – лимитчица
царских кровей –
Что-то тебе всё сулит на мели.
Выдумай
Право и глазки разуй,
В Каму грядеши, себя супротив.
Племя догонов хохочет в грозу,
Тем возбуждая
твой императив...

Нещадно

Туда.... И Ты, и оба.... И на дню
Который круг,
но мимо, мимо, мимо.
Лишь ветер,
припадающий к огню,
К святой воде....
Вдруг вспыхнет нестерпимо
Одна ладонь, другая завершит
Хождение по волнам и утопает
Двух синей выше,
и опять с вершин
Падёт на дно. И птица золотая
Воскреснет, засмеётся...
И светло
Сто тысяч зим,
как не было, не будет...
И Ты, и оба, взятые в полон,
И то, что на двоих одно....
И трудно
Вернуться на,
сорваться за черту
В такой-то раз...
Куда?.. Когда обратно?..
Который круг,
который век грядут,
Но так же дует на воду
нешадно...

Воспоминания

Виталий СЛИНЬКОВ,
п. Шкотово,
Приморский край.

Живёт поэзия

Живёт поэзия, как опий,
Снимая копии из копий.
И графоманяет ложь во лжи,
Как новостроек чертежи...

Всё изменяет свой размер:
Червонец, жизнь, СССР...
Бессмертны, сколько ни расти,
Два слова: «Мама» и «Прости»!

Цена мецената

То крепнет, то слабеет
наша нация.
Чужие строчки ищем напрокат.
Не знали б мы Вергилия, Горация –
Их щедро спас
Гай Цильвий Меценат!

Поэт был скромный,
хоть и непокорный.
Со слов чужих
куплеты не творил.
«Я памятник воздвиг
нерукотворный!» –
Гораций в первом веке говорил!..

Путь сарказма

Не четой лирической фанере,
Путь сарказма смел и многолик.
Как лосось,
сюжет идёт на нерест:
Кто брюшки в нём видит,
кто – балык...

Ох и труден путь его до взлёта,
Где строке покой и тишина,
Где за нежной гладью переплёта –
Нож, тузлук, коптилья и... цена!

Моё Лукоморье

Царём здесь жил абориген –
Вольготно, честно, горделиво,
В твердыне листовенных стен,
Поближе к берегу залива.

Игра сверкающей волны,
Деревьев древняя культура!..

Посмотрит дед со стороны:
Пейзаж – не надо Сингапура!..

Рука не знала слова «зуд»:
Река, как грядка огорода...
Но вот – солдатиков везут:
Держись, родимая природа!..

У пристани Пакшеева

Как шустро лезут на подмогу,
Пока история жива!..
А сами грабят только могут,
Из трёх рублей воруя два!..

Рождает время активиста.
Стал край Приморский,
как ничей:
Стоит Пакшеевская пристань,
Но вместо реченьки – ручей...

Была и рыба, и червонцы.
И лес сплавливали по реке.
«Сигары» ладили японцы –
Буксир стоял у Цимухэ...

Возник район подобно Трое:
Штыками делались дела!
Пакшеев Шкотово построил,
А память – мафии пошла!..

Губернаторский десант

Здесь могла б сиять Венесуэла,
Если взять в Находке земснаряд...
Никому до Шкотово нет дела,
И уже могильники стоят.

Как в подушку мордюю ни бился,
Но у клана – планы и десант.
Надо жить в деревне,
где родился,
Переедешь – будешь диверсант.

Долг растёт,
без света жизнь ослепла,
А товар – сомнительнее нет.

Сколько можно
столбиками пепла
Вырастить из чьих-то сигарет?

Долго ли голодному до драки,
Если новый способ устарел!
Взглядом заблудившейся собаки
Край на губернатора смотрел...

Поэт на земле

Поэт на земле
для культурных событий,
А быт состоит
из растяжек и нитей:
Тут ловят за совесть,
тут ловят за честь.
И страшно, когда
у тебя они есть.

Как в отстойнике

У подростков – кончались дела,
У дедов – не видно идеала:
Запила Россия, запила
И частично душу растеряла...

Ей не надо стенку рушить лбом,
Ей не видно трёпанных и падших.
Девки в положении любом
Лезут в омут
без вести пропавших...

Всех готовят
к новым всплескам бурь.
Как в двадцатых,
выкроют минуту,
Перекроют сладостную дурь
И пошлют
по нужному маршруту...

Дурогоны – лозунг сочинят,
Чистоделы –
шрифт найдут крупнее,
И покатит этот интернат
По давно продуманной аллее...

Слово «блин» –
являет слово «б*я...»
Засорять язык сегодня модно.
Если Русь забросила поля –
Приведёт нас черт
к чему угодно.

Надежда ЛАВРОВСКАЯ
с. Вольно-Надеждинское,
Приморский край.

Снегопад

С белых высоких небес
Стелется скатерть чудес,
Сном укрывает дома –
Это колдует Зима.
От холодов и ветров
Белый упрячет покров
Нежность тепла до весны,
Хрупкие летние сны.
Спрячу и я от людей
Тайну печали моей,
Сяду в тиши у огня,
Пусть зачарует меня,
Сладко обнимет теплом
Стылое сердце и дом
И до конца зимних вьюг
Будет со мной верный друг.

* * *

В буддийском храме.

Пагода желаний.

Держу монету русскую в руке.

И выплывает из глубин сознания

Запрос мой скромный

к жизни и судьбе.

Звенят недолетевшие монеты,

Но смех и говор не тревожат ночь.

Вопросы гиду, быстрые ответы –

Всё, замирая, улетает прочь.

Рука взметнулась,

вылетел двуглавый,

Кружочком металлическим

блеснул...

Растаяла монета, Боже правый,

Ни звука. Только удивленья гул!

А я стою под взглядами в смущенье –

Иному богу отдала мечту.

Никто не слышал звонкого паденья,

Лишь видели блеснувшую звезду.
В смятенном сердце

поселилось чудо,

Как будто в зиму заглянул июнь.

Так будь благословен,

учитель Будда,

В китайском храме

города Хуньчунь.

Вдовство

А я одиночка.
И жирная точка
Стоит на моей
Недопетой судьбе.
Я сердцем страдаю,
Когда вспоминаю,
Что многим обязана
В жизни тебе.
Не знаю ответов,
Моё бабье лето
Прошло незаметно
На фоне затей.
Вдруг выросли дети,
И стало на свете
Одно непонятно:
Зачем всходит день?
Помыта посуда,
И я не забуду,
Как было приятно
На кухне вдвоём:
Ты в кресле с газетой,
Но я не об этом...
Всегда переполнен
Был радостью дом.
Теперь одиночка –
И жирная точка
К простому итогу
Меня подвела:
Пою – не поётся,
Смеюсь – не смеётся
И ночью нет рядом
Живого тепла.

Подписка-2009

Подписаться на ежемесячник
«Литературный меридиан»
можно с **ЛЮБОГО** месяца, от-
правив почтовым переводом
соответствующую сумму по
адресу: **692342, Приморский
край, г.Арсеньев-12, а/я 16.
Костылеву Владимиру Алек-
сандровичу.**

1 месяц — 40 рублей,
2 месяца — 75 рублей,
3 месяца — 110 рублей,

**6 месяцев — 180 рублей,
1 год — 360 рублей.**

ВНИМАНИЕ!

Вы можете оформить подписку
даже на номера, вышедшие ранее
с начала текущего года.

ВНИМАНИЕ!

Продолжается литературно-
художественный конкурс, посвящённый
Победе над фашизмом в 1945 году.

На конкурс принимаются поэтиче-
ские, прозаические, публицистические
произведения, а также фотографии,
посвящённые участникам и событиям
Великой Отечественной войны. Автор-
ские работы высылаются по адресу на-
шего издания с пометкой на конверте
«НА КОНКУРС».

По многочисленным просьбам учас-
тников сроки подведения итогов пере-
носятся на **ОКТАБРЬ 2009 г.**

© Литературный меридиан

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 924-263-29-79
(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185

E-mail: Lm-red@mail.ru

Газета «Литературный меридиан» заре-
гистрирована в Федеральной службе по
надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.
Пер. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Костылев В.А.

СОУЧРЕДИТЕЛЬ:
коллектив редколлегии.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

КОСТЫЛЕВ Владимир Александрович,
г. Арсеньев Приморского края.

ОТДЕЛ ПОЭЗИИ

БОГДАНОВ Геннадий Валентинович,
г. Хабаровск, **редактор.**

ОТДЕЛ ПРОЗЫ

БАРАБАШ Сергей Дмитриевич,
г. Владивосток, **редактор.**

ОТДЕЛ ЛИТ. КРИТИКИ

ЧАЙКА Николай Николаевич,
к-т. Дорохово, **редактор-обозреватель.**
Тел. 8 – 985-256-90-91.

ЗАВ. ОТДЕЛОМ КНИГОИЗДАНИЯ

КОНЧАТНЫЙ Иван Васильевич,
г. Арсеньев Приморского края.
Тел. 8 – 924-263-36-46.

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

Объём издания – 5 печатных листов.
Тираж 999 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику
и фактически 17 февраля в 17-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6»,
г. Арсеньев, пр. Горького, 1.
Цена свободная.